

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 21

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ,

1912

Выданъ 26-го мая 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 8.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,
А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

А. Александровъ. Стенка Разинъ. Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (12-я премія).

Избалованный.

Веселая повесть въ духъ времени.

Ал. Лугового.

(Продолженіе).

Х.

Нина Михайловна, гулявшая въ сопровожденіи Россина и Молодцыгина, приблизилась прежде всего къ мирно бесѣдовавшимъ Манѣ и Котѣ, поговорила съ ними, они примкнули къ ея группѣ, и теперь всѣ вмѣстѣ подошли къ Володѣ и Музѣ.

— Вотъ, Володя, Андрей Матвѣевичъ говорить... — начала Нина Михайловна.

Генераль прервалъ ее:

— Позвольте, я самъ скажу. Я говорю, что смотрю вотъ сейчасъ на васъ и думаю: „не знаю, кто мнѣ милѣе, кто дороже?“

Муза шутя обидѣлась:

— Мегсі, рара.

А Володя съ подчеркнутымъ достоинствомъ спросилъ:

— Чѣмъ обязанъ такому расположенію, генераль?

Генераль шумно и весело говорилъ:

— Дочь люблю, какъ самого себя. Это такъ естественно...

— Въ особенности, когда эта дочь такая красавица, такая умница, какъ Муза Андреевна, — замѣтила Нина Михайловна и ласково взяла Музу подъ руку.

— Не смѣю ни оспаривать ни соглашаться. Ибо говорю: „Люблю дочь, какъ самого себя“, — а о себѣ говорить... Молчу!.. Но есть вѣчто, что я люблю больше, чѣмъ самого себя. Это — отечество! Россія, Святая Русь! И вотъ какъ погляжу на васъ, Владиміръ Ильичъ, такъ сердце и радуется: не перевелись еще богатыри на Руси.

— Это я-то богатырь? — усмѣхнулся Володя.

Котя обошелъ Володю кругомъ и осмотрѣлъ его съ удивленіемъ.

Генераль, не смущаясь, продолжалъ:

— А вы думаете — нѣтъ? Не изъ былинъ. Нѣтъ. А тотъ богатырь, кого Россія въ правѣ желать въ наше время. Умница, красавецъ, богатъ, образованъ... ну, что еще? Все дала вамъ матушка Русь. И не будь вы одинъ сынъ у матери, какой бы изъ васъ военный вышелъ!

Володя немного удивился:

— Зачѣмъ же непременно военный?

Генераль съ доброй улыбкой пояснилъ:

— Это ужъ мое пристрастіе къ военному званію. Да. Но въ наше время вездѣ, во всѣхъ и гражданскихъ отрасляхъ государственной дѣятельности нужны военные. Особый духъ нуженъ. Подъемный. Увѣренность въ себѣ нужна.

— Ну, послушайте, Андрей Матвѣевичъ, зачѣмъ вы моему сыну такіа вольнодумныя мысли внушаете? — съ любезной улыбкой вмѣшалась Нина Михайловна.

Теперь удивился генераль и съ яркимъ изумленіемъ спросилъ:

— Вольнодумныя?... Я думалъ, что это мысли самыя, такъ сказать, консервативныя...

Но неизмѣнно любезная Нина Михайловна стояла на твердой почвѣ своихъ убѣжденій и спокойно возразила:

— Да это консервированныя былины или рыцарскія баллады, которыми теперь пробавляются черносотенцы, и которыя, можетъ-быть, скоро войдутъ въ моду еще и у модернистовъ. А я — старовѣрка либерализма, и, съ моей точки зрѣнія, говорить о прелестяхъ военщины — вольнодумство. Я бы предпочла, чтобъ мой сынъ получилъ за свою дѣятельность нобелевскую премію мира.

Генераль на мгновеніе задумался, поколебался и нерѣшительно сказалъ:

— О, съ своей стороны вы правы. Я готовъ встать на вашу точку зрѣнія. — Но, вдругъ оживившись, опять весело зашумѣлъ: — Я даже, если хотите, стою на ней... Да... Нобелевскую премію! Чего лучше! Но чтобъ завоевать ее — нужна смѣлость въ рѣшеніи вопроса о мирѣ. Нужна военная смѣлость во всякихъ рѣшеніяхъ. Вѣдь премію-то должны будутъ присудить только тому, кто храбро возьметъ быка за рога. Военный человекъ можетъ сдѣлать это лучше статскаго. Слабнякамъ не рѣшить этого вопроса. Я не кровожаденъ. Нѣтъ-съ! Я не хочу воевать, чтобъ убивать и угнетать. Смотрите на меня, — я самый мирный чело-

вѣкъ. Я женщинѣ покорюсь, ребенку уступлю. Но я хочу быть готовымъ къ войнѣ. Да! Быть военнымъ, чтобъ держать въ своихъ рукахъ не только премію мира, но и самый міръ.

Котя съ ироническимъ любопытствомъ спросилъ:

— Десятиричный или восьмиричный?

Генераль сообразилъ не сразу и, махнувъ рукой, сказалъ:

— А хотя бы и тотъ и другой.

Володя добродушно пошутилъ:

— Какой у васъ размахъ, генераль!

Россинъ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ воскликнулъ:

— Не для себя! Для героя! Я лично готовъ довольствоваться малымъ...

— Напримѣръ? — любезно спросила Нина Михайловна.

И генераль — точно его солнцемъ озарило — радостно отвѣтилъ:

— Ну, напримѣръ, я былъ бы счастливъ, если бы вотъ это Озерное было моимъ... угломъ. Да я готовъ бы вѣкъ тутъ прожить.

Муза давно смотрѣла на отца съ презрительнымъ сожалѣніемъ, нервничала и была, казалось, готова каждую минуту остановить его изліянія. Теперь сказала:

— Ну, я бы однимъ этимъ... *уголомъ* — какъ онъ ни симпатиченъ — не удовольствовалась. Міръ — такъ ужъ весь міръ хочу объять. Океанъ и Монбланъ — меньше не мирюсь.

Володя отвѣсилъ ей поклонъ въ знакъ сочувствія:

— Вашу руку.

Муза, забывъ только-что заявленную ею безмѣрность своихъ гребованій, слишкомъ поспѣшно и такъ же, какъ сейчасъ ее отецъ, безотчетно-радостно протянула Володѣ руку; но сейчасъ же и смутилась отъ его рукопожатія и покраснѣла.

Молодцыгинъ, молча наблюдавшій за говорившими, какъ-то безпричинно вздохнулъ и произнесъ:

— О-хо-хо-хо-хо! Всѣ-то мы хотимъ счастья — да побольше.

Нина Михайловна сказала:

— Я довольствуюсь всегда тѣмъ, что имѣю. Но если мнѣ предложить океанъ и Монбланъ, я охотно уступлю вамъ, генераль, Озерное. Купите.

Генераль крикнулъ:

— Эхъ! Денегъ такихъ у меня нѣтъ.

Котя съ лукавой улыбкой пошутилъ:

— А вы завоюйте.

Генераль посмотрѣлъ на него съ видомъ превосходства и спокойно сказалъ:

— Умѣйшій изъ стратеговъ — Мольтке — завѣщалъ намъ неопровержимый афоризмъ: „Для войны нужны три вещи: деньги, еще деньги и еще деньги“.

Нина Михайловна разсмѣялась:

— Вотъ видите, генераль, — вы уже и разбиты. Вы сами себя противорѣчите. Зачѣмъ же вы хотѣли, чтобъ Володя промѣнялъ положеніе купца на роль военного, когда безъ денегъ и войны вести нельзя, а деньги у купцовъ?

— Да... но... это... какъ бы вамъ сказать...

— Никакъ не говорите. Пойдемте-ка лучше слушать пѣніе мирныхъ романсовъ.

— О, это съ удовольствіемъ! Съ величайшимъ! Но насчетъ преимущества военного званія еще поспоримъ-съ. Да-съ, поспоримъ! Я не считаю себя разбитымъ даже такимъ сильнымъ противникомъ, какъ вы. Поборемся еще.

Муза вмѣшалась:

— Для завоеванія нужна смѣлость: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“. А не разговоры.

— Вѣрно, дочь моя, вѣрно, радость моя.

Нина Михайловна тѣмъ временемъ уже уходила. И позвала сына:

— Володя, ты вѣдь обѣщаль аккомпанировать? Идемъ.

— Да, мама. Сейчасъ. Я останусь только на минутку — покурить... въ отсутствіи дамъ.

И Володя любезно поклонился Музѣ и Манѣ. Съ такимъ же

любезнымъ поклономъ, переставая говорить съ Маней, вынулъ свой портсигаръ и Котя.

— Ну, мы ждемъ васъ,—сказала Маня.

И барышни дружески кивнули молодымъ людямъ головой и пошли вслѣдъ за хозяйкой къ дому, куда одинъ за другимъ потянулись изъ цвѣтника и другіе гости.

На ходу Муза сказала отцу:

— Перестань же, папа, устраивать мнѣ диверсію,—такъ, кажется, это по-вашему, по-военному, называется?..

— Такъ, моя радость, такъ, Музинька.

— Я уже повела атаку.

— Ну?... Хорошо... но чѣмъ же я тебѣ мѣшаю?..

— Настроеніе портите. Мнѣ просто жалко смотрѣть на ваши бесполезныя старанія.

— А ты не смотри. Ты дѣлай свое,—а я свое...

Муза сердито отрѣзала:

— Да поймите же, что вѣдь когда мы оба вмѣстѣ такъ настойчиво лѣземъ, такъ это объяснять погоней за деньгами...

Но генераль стоялъ на своемъ:

— Не все ли равно: каждый порознь или оба вмѣстѣ?..

И, догоняя ушедшую впередъ хозяйку, онъ точно спѣшилъ сейчасъ же на дѣлѣ подтвердить свои слова.

XI.

А оставшійся покурить Володя съ плутовскимъ выраженіемъ лица говорилъ тѣмъ временемъ Котѣ:

— Другъ мой, окажи мнѣ сейчасъ услугу.

— Къ вашимъ услугамъ, другъ мой.

— Когда кончатся пѣніе, займи чѣмъ-нибудь всю компанію и не пускай ихъ въ сторону пруда...

Котя шутливымъ, спокойнымъ тономъ спросилъ:

— Ты хочешь утопиться?

Володя пустилъ въ воздухъ острую струйку дыму:

— Нѣтъ, только поплавать—„въ блаженствѣ“.

— Свиданіе?

— Какъ ты проникателенъ!

— Не секретъ—съ кѣмъ?

— Ты не тактиченъ.

— Кого же особенно не пускать?

Володя на мгновение задумался. Потомъ неопредѣленно произнесъ:

— Всѣхъ...

И, придавъ своему лицу вдохновенное выраженіе, заговорилъ таинственнымъ, немного восторженнымъ тономъ:

— Та, въ чьей душѣ оказалась частица „М“, соотвѣтствующая частицѣ „Ж“ моей души, уже найдетъ случай ускользнуть отъ васъ незамѣченной,—и ты, пожалуйста, не замѣчай ея... удаленія.

Котя догадался и спросилъ:

— Маня?

Володя сразу перемѣнилъ восторженный тонъ на снисходительно-шутливый:

— Ты чертовски пинкертонистъ. Въ чемъ дѣло?

Котя хотѣлъ ему пояснить:

— Она, вѣрно, повторила тебѣ мою формулу признанія, съ которой я утормъ...

Но Володя уже понялъ и съ улыбкой прервалъ его:

— Успокойся. Формула твоя дѣйствуетъ, очевидно, плохо...

Маня тебя отвергла?

— Да... Но вѣдь я и не серьезно...

— И я не серьезно. Тѣмъ болѣе, что...

Изъ дома пришла Липа и подала Володѣ телеграмму:

— Вотъ, баринъ, съ нарочнымъ, со станціи.

Володя распечатывалъ телеграмму не торопливо—и ласково-ласково смотрѣлъ на хорошенькую Липу. Та сначала тоже открыто и ласково смотрѣла ему въ глаза, потомъ лукаво улыбнулась и потушилась. А Володя, чтобъ прочесть телеграмму, сталъ переходить съ мѣста на мѣсто, ища пробивающагося изъ-за вѣтвей яркаго луча луны, и ворчалъ:

— Ни чорта не видно!

Котя воспользовался этимъ временемъ: крѣпко сжалъ локоть Липы. Милая дѣвушка отдернула руку съ напускной досадой и бросила юношѣ шутливо-грозный взглядъ:

— Отстаньте, баринъ!

Володѣ удалось наконецъ прочесть телеграмму. Съ легкой гримасой, улыбаясь, именинникъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Животное!

— Кто это?—спросилъ Котя.

— Нашъ милый Петя Шанешкинъ. „Поздравляетъ ангеломъ.“ Очастливилъ. А нарочный со станціи полтора рубля.

Онъ передалъ Липѣ телеграмму и сказалъ:

— Вели въ конторѣ заплатить.

Липа, отвѣтивъ прощальнымъ ласковымъ взглядомъ, пошла.

Володя дружески взялъ теперь Котю подъ руку:

— Ну, тушимъ наши папиросы и идемъ. Тамъ ждутъ. Такъ ты понялъ, что мнѣ нужно? Сдѣлаешь?

— Не сомнѣвайся. А награда за услугу?

Володя вопросительно взглянулъ на него и точно придумывалъ:

— Полцарства не дамъ... хочешь, пришлю тебѣ поздравительную телеграмму, когда ты будешь именинникъ?.. Или... уступлю тебѣ Липу не въ очередь?

Котя хлопнулъ его рукой по поясницѣ:

— Фарсеут!

Оба вмѣстѣ потушили папиросы и пошли въ домъ.

Черезъ нѣсколько минутъ оттуда послышалась прелюдія, а потомъ низкій, но нѣжный, ласкающій голосъ запѣлъ—о земной ли страсти, о небесной ли радости—словъ нельзя было слышать,—да и не надо: и голосъ и аккорды сливались во что-то нераздѣльное. Казалось, весь домъ всѣми своими открытыми окнами пѣлъ гимнъ красотѣ этой чудной июльской лунной ночи. И весь цвѣтникъ, весь паркъ притихъ и насторожился, прислушиваясь къ неразгаданной пѣвучей грезѣ.

Да и не земля только—самое небо, казалось, превратилось все въ слухъ и вниманіе: смѣющаяся луна стала меланхолично-задумчивой, звѣздочки перестали мигать, точно замерли. И одно за другимъ потихоньку-потихоньку подкралась, какъ любопытныя ребята, маленькія перистыя облачка, сначала вдаль, немногія, потомъ все ближе и ближе; поднялись и старшіе, поднялись и сѣдородые старики, и густой толпой, заслоняя и луну и звѣзды, потянулось до самой земли все облачное населеніе, потянулось ближе къ поющему дому, заслоняя собой уже не луну только и звѣзды на небѣ, а и все, что на землѣ: и деревья, и кусты, и самый свѣтъ открытыхъ оконъ дома,—осторожно, медленно, беззвучно все заволакивается туманомъ.

А домъ—поеть. Изъ его оконъ все такъ же несутся чудные звуки какой-то какъ-будто еще невѣдомой на небѣ страстной пѣсни Красавицы-Земли. И небо въ восторгѣ пробуетъ откликнуться ей тихимъ, чуть слышнымъ, вторящимъ хоромъ.

Тогда, словно ища уединенія, чтобъ неразсѣянно постичь глубокой, тайный смыслъ этихъ звуковъ, словно удаляясь изъ тумана облачной толпы, луна тихо двинулась по своему воздушному пути надъ вершинами старыхъ сосенъ парка, подалее да подалее,—туда, гдѣ между ней и жизнью на землѣ опять уже нѣтъ ни облачка, и чарующая, неразгаданная пѣсня все еще слышна, нѣжная, далекая.

XII.

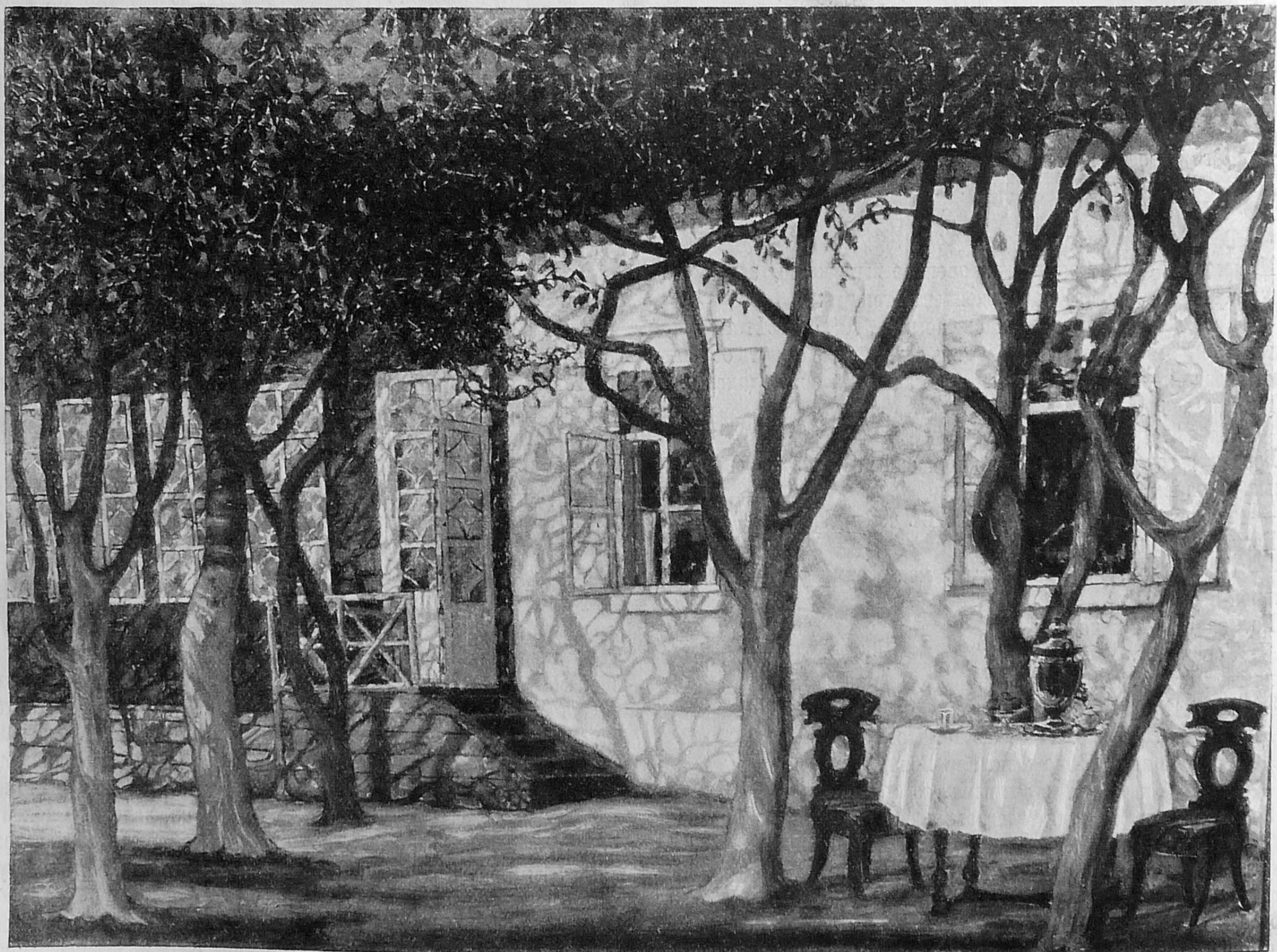
Въ глубинѣ парка. На небольшой полянкѣ, въ сторонѣ отъ другихъ деревьевъ, стоитъ огромная лиственница. Вокругъ ея ствола широкая круглая чугунная скамейка. Повернувшись спиной къ лунному свѣту, сидитъ здѣсь молодая дѣвушка. Луна—вѣчная нянька—накинула неумовимо-тканную зеленоватую вуаль на ея бѣлокурую непокрытую голову и вмѣстѣ съ дѣвушкой смотритъ чрезъ ея плечо на страницы маленькой бѣлой книжечки стиховъ. Дѣвушка то прочтетъ нѣсколько строкъ, то подниметъ взглядъ и долго смотритъ куда-то безцѣльно, далеко. Спокойно, но чутко прислушивается она къ едва слышному пѣнію, доносящемуся сюда изъ китаевского дома. И ея полуоткрытыя губы мгновениями какъ-будто что-то шепчуть...

Пѣніе прекратилось. Какъ порывъ вѣтра въ листьѣ деревьевъ, донесли издалика отрывочныя рукоплесканія. Дѣвушка чуть-чуть улыбнулась, опустила на скамейку руку съ книжкой и задумалась.

За ея спиной, по дорожкѣ, въ сторонѣ отъ лиственницы, быстрымъ шагомъ, нервно стремясь впередъ и ничего не замѣчая на пути, прошла и скрылась за деревьями Маня. Не замѣтила ея

В. Зарубинъ. Тревога. (Первая премія).

В. Плотниковъ. Игра тѣней. (Поощрительная премія).

В. Зарубинъ. На Нормандскомъ берегу.

К. Горбатовъ. Сумерки. (Третья премія).

и сидѣвшая подь лиственницей дѣвушка, все такъ же спокойно-задумчивая.

Еще минуты двѣ-три, и, вслѣдъ за Маней, на той же дорожкѣ появился Володя. Увидѣлъ на скамейкѣ дѣвушку, подумалъ, не ошиблась ли Маня и вмѣсто скамейки у пруда ждетъ его здѣсь, и, немного взволнованный неожиданностью, сейчасъ же сдѣлалъ нѣсколько порывистыхъ шаговъ въ ея сторону и—въ недоумѣніи остановился, встрѣтившись взглядомъ съ незнакомкой.

Онъ поклонился ей одной головой и серьезно-почтительнымъ тономъ рекомендовался:

— Здѣшній дачевладѣлецъ—Китаевъ.

Дѣвушка въ тонъ ему отвѣтила:

— Дачница—Артюхова.

Володя подвинулся къ ней еще на шагъ и, догадываясь, кто она, спросилъ:

— Вы не у Ивановыхъ?

— Да, у нихъ.

Володя любезно сообщил ей:

— Павелъ Трофимовичъ со своей супругой только-что ушли домой.

Артюхова хотя и съ оттѣнкомъ легкой ироніи, но тономъ кроткаго женственнаго достоинства спросила:

— А мнѣ, надѣюсь, позволите посидѣть на этой скамейкѣ... если я вамъ здѣсь не мѣшаю?

Володѣ какъ-то сразу все понравилось въ этой маленькой, хрупкой дѣвушкѣ: и „чудный, нѣжный голосъ—большая прелесть въ женщинѣ“, и не очень большіе, слегка вьющіеся волосы, и немного неясная, какъ лунный свѣтъ, красота ея худенькаго личика, и вся ея спокойно-пластичная поза, которой она еще ни въ чемъ не измѣнила съ момента его появленія, когда только немного повернула голову въ его сторону. И обычная выдержка Володи на этотъ разъ какъ-будто его оставила,—съ несвойственнымъ ему смущеніемъ онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Чтѣ вы, чтѣ вы! Ничуть не мѣшаете. Пожалуйста. Гдѣ вамъ угодно. И здѣсь, и въ цвѣтникъ... и въ домъ.

Артюхова улыбнулась:

— Благодарю васъ. Мой скромный нарядъ не въ стилѣ такихъ торжественныхъ случаевъ...

Володя шутливо прервалъ ее:

— Пустяки!

Артюхова немного выпрямилась, подняла опущенную съ книгой руку на колѣни и такъ же шутливо сказала:

— Вы сегодня именинникъ.

Самообладаніе уже вновь вернулось къ Володѣ, онъ стоялъ теперь у самой скамейки и своимъ обычнымъ, немного насмѣшливымъ, тономъ говорилъ:

— Я никогда не бываю именинникомъ.

— Какъ и я же.

— А кстати, позвольте узнать ваше имя и отчество.

— Ольга Петровна.

— Если бъ это было четыре дня тому назадъ, я поднесъ бы вамъ букетъ цвѣтовъ. А сегодня могу только просить васъ:—будьте нашей гостьей.

Артюхова съ легкимъ поклономъ сердечно отвѣтила:

— Зачѣмъ?... У васъ такъ много людей, болѣе для васъ интересныхъ... А я не люблю ни большого общества ни слишкомъ ярко освѣщенныхъ залъ. И мнѣ и здѣсь было такъ хорошо! Вонъ этотъ небесный фонарикъ свѣтитъ мнѣ достаточно ясно, чтобъ читать страницы хорошей книжки, а черезъ темно-зеленое кружево деревьевъ сюда проникали звуки какой-то чудной пѣсни, которая казалась мнѣ еще прекраснѣе оттого, что была неясной...

Володя съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ воскликнулъ:

— Ольга Петровна, да вы поэтъ!

Дѣвушка тихо покачала головой и тихо отвѣтила:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— То-есть, вы, можетъ-быть, хотите сказать, что не пишете стиховъ. Но это не мѣшаетъ имѣть вамъ душу высшаго порядка и чувствовать поэзію жизни...

Артюхова просто сказала:

— Для этого надо быть только нормальнымъ человѣкомъ. Когда, вотъ въ такой обстановкѣ, читаешь высокія мысли о глубокихъ чувствахъ, выраженныхъ въ музыкальныхъ строкахъ, и

когда все живое вокругъ поетъ хвалу жизни, надо быть камнемъ... нѣтъ, не камнемъ—камень тоже имѣетъ свою жизнь—надо быть... чугуномъ, литымъ чугуномъ, вотъ какъ эта скамейка, чтобъ не чувствовать поэзіи...

Володя, восхищаясь ея словами, смотрѣлъ на нее уже любовнымъ взглядомъ и, какъ-то незамѣтно для самого себя, присѣлъ къ ней на скамейку, но немного поодаль. И смотря на книжку въ ея рукахъ, онъ спросилъ:

— Вы чтѣ читали?

— Аду Негри. „Fatalità“. Вы знаете этотъ сборникъ ея стиховъ?

— Нѣтъ. Я по-итальянски не читаю.

— Жаль, чудная книжка!

Володя какъ-то машинально сказалъ:

— Она, кажется, уже вышла изъ моды.

Съ легкой усмѣшкой Артюхова спросила:

— А вы развѣ поклонникъ только всего моднаго?

Володя немножко смутился:

— Нѣтъ, но я въ свое время читалъ кое-что, чтѣ писалось объ этой *народной* поэтессѣ. И, признаться сказать, она мнѣ казалась мало привлекательной.

— Почему?

— Какъ бы это вамъ объяснить... Я вотъ разъ въ какомъ-то журналѣ прочелъ стихотвореніе, въ которомъ описывались страданія бѣдной сельской учительницы. И тамъ было сказано, что она получаетъ восемь рублей жалованья въ мѣсяць. Вы понимаете, чтѣ это значитъ! И въ римахъ и въ ямбахъ или хоряхъ всѣ эти подлинныя слова: „восемь рублей жалованья въ мѣсяць“... Какая ужъ тутъ поэзія!.. Такъ вотъ и Ада Негри—она вѣдь тоже учительница—представлялась мнѣ со всѣми ея стихами чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

По лицу Володи блуждала теперь его всегдашняя усмѣшка, но взглядъ, вопрошающій, былъ ласковъ.

Артюхова смотрѣла на него съ такимъ спокойнымъ, доброжелательнымъ выраженіемъ, съ какимъ всматривалась бы въ интересующую ее красивую, но еще непонятную ей картину, и тономъ, въ которомъ звучала и терпимость къ чужимъ взглядамъ и уваженіе къ своему праву вопрошать, спросила:

— Чтѣ же, вы предпочитаете модернистовъ?

— Не всѣхъ... я къ нимъ равнодушенъ.

— Да вы стихи-то вообще любите?

— Хорошіе... Я люблю Пушкина, Лермонтова, Майкова, Апухтина...

Артюхова спокойно-серьезно сказала:

— Ну, да, вы стиховъ не любите.

Володя удивленно посмотрѣлъ на нее:

— Почему?..

— Любить стихи, это значитъ—любить не того или иного поэта, а все то, чтѣ было и чтѣ вновь появится въ литературѣ красиваго, поэтичнаго, чѣмъ бы именемъ—извѣстнымъ или неизвѣстнымъ—оно ни было подписано, какой бы клочокъ жизни оно ни захватывало. По завѣту Гёте: „Greift nur hinein in's volle Menschenleben, und wo ihr es fasst—da ist's interessant“. Если бы вы съ такимъ настроеніемъ познакомились съ Адой Негри, вы увидели бы, что это не то, чтѣ „восемь рублей жалованья въ мѣсяць“...

Артюхова говорила чрезвычайно спокойнымъ, простымъ тономъ; но въ ея нѣжно звучащемъ, красивомъ голосѣ было что-то подкупающее. И Володя, все болѣе поддававшийся ея обаянію, теперь хотя и веселымъ, шутливымъ, но уже сердечнымъ и искреннимъ тономъ сказалъ:

— Ольга Петровна, да вы меня побѣждаете!.. Займусь итальянскимъ языкомъ и буду читать Аду Негри... Гдѣ вы выучились по-итальянски?

— Самоучкой. Зная латинскій и французскій, это такъ легко. Мнѣ языки вообще легко даются.

Во взглядѣ, которымъ Володя смотрѣлъ теперь на Артюхову, было уже вмѣстѣ съ чувствомъ уваженія пытлиное желаніе узнать поближе эту заинтересовавшую его дѣвушку. Но онъ какъ-будто еще не зналъ, съ чего начать. И только, какъ бы немного растерянный отъ удивленія, произнесъ:

— Да вы... чтѣ же?—polyglotte?

— Я бестужевка - филологичка. Нынче перешла на второй курсъ.

— И сдѣлаются поэтомъ?

— Нѣтъ. Готовлюсь въ педагоги.

Володя какъ-то безотчетно воскликнулъ:

— Bravo!—И сейчасъ же, такъ же безотчетно, не раздумывая, предложилъ:—Будьте моимъ репетиторомъ по итальянскому языку... и по теоріи новѣйшей поэзіи.

Артюхова, тоже не задумываясь, совершенно просто отвѣтила:

— Чтò же, съ удовольствіемъ!

Володѣ стало вдругъ необычайно весело. И онъ уже дружески, но съ отбѣнкомъ большого уваженія произнесъ:

— Первый урокъ сейчасъ же... Познакомьте меня съ чѣмъ-нибудь хорошимъ изъ Ады Негри... Для начала, въ вашемъ переводѣ.

Артюхова улыбнулась, съ минуту посмотрѣла на него, потомъ просто отвѣтила:

— Извольте.

Она развернула въ двухъ-трехъ мѣстахъ книжку, поискала— и сказала:

— Нѣтъ, при лунѣ все-таки трудно будетъ быстро разбирать... Прочту вамъ то, чтò знаю почти наизусть. Вотъ это: „*Naï lavorato?*“

— Это значитъ?..

Артюхова, уже съ нѣкоторой торжественностью, сказала:

— Это значитъ: „Работалъ ли ты?“

И, впадая въ патетическій тонъ стихотворенія, она, лишь для памяти мелькомъ взглядывая на страницы, медленно, отчетливо, подыскивая подходящія для перевода выраженія, стала читать:

— Итакъ, ты любишь меня!.. Признался и, молча, тревожно ждешь отвѣта... и лицо твое стало блѣднѣе... Ты хочешь ласковой улыбки моихъ губъ, хочешь ихъ поцѣлуя. Ты хочешь сорвать цвѣтокъ моей весны, моей юности... Но скажи мнѣ:—ты зналъ ли тревоги и битвы за идеалъ, никогда не меркнушій? Знаешь ли ты, чтò значитъ страдать? На что тебѣ вся твоя сила, твоя молодая кровь, твоя душа, твой умъ, дыханіе твое?.. Работалъ ли ты?.. Безсонныя ночи, мужественно проведенныя въ суровомъ трудѣ,—скажи, знакомы ли онѣ тебѣ?.. Какой вѣрѣ, какому знамени посвятилъ ты свою цвѣтущую, прекрасную молодость?.. Ты мнѣ не отвѣчаешь... Такъ ступай же прочь... Вернись...

Артюхова на минуту пріостановилась и, съ улыбкой смотря на Володю, уже не съ пафосомъ, а съ легкимъ смущеніемъ сказала:

— Вотъ здѣсь стоитъ слово: *vitello*. Мнѣ не хочется переводить его словомъ „золотой телець“. Потому что при этомъ всегда въ воображеніи рисуется большой быкъ. Но здѣсь не сказано „*toro*“, а „*vitello*“—теленокъ.

Володя, точно чѣмъ-то обрадованный, подхватилъ:

— Конечно! Конечно—теленокъ. Читайте дальше.

И молодая дѣвушка снова стала серьезной и начала декламировать:

— Такъ ступай же прочь!.. Вернись, золотой теленокъ, туда, гдѣ въ вѣчной дрѣмѣ ты можешь растрачивать драгоценныя часы жизни на праздныя удовольствія. Вернись къ картамъ, къ пляскамъ, къ проституткамъ... А я—я не продаю ни моихъ поцѣлуевъ ни моего сердца!.. О, если бы ты былъ утомленнымъ и истерзаннымъ, но съ печатью гордаго труда на твоемъ лицѣ и съ божественнымъ огнемъ въ твоей груди... Если бы усталыми были твои руки, но молнія сверкала въ твоихъ большихъ глазахъ... Если бы ты былъ плебеемъ, но могучій мозгъ твой горѣлъ бы лихорадочкой мысли, и ты высоко поднималъ бы твою гордую голову среди тѣхъ, кто подавленъ и разслабленъ презрѣнной трусостью подлаго бездѣлья... О, тогда я любила бы тебя!.. Да, я любила бы тебя за твой великій подвигъ труда, за твою честную жизнь, за упорную работу... Я склонилась бы тогда на твою грудь свою голову, изнывая отъ любви, блѣдная отъ любви къ тебѣ, гордая уваженіемъ къ тебѣ!.. А теперь ты—кто ты такой? Чего ты ждешь отъ меня, жалкій рабъ, томящійся средь смрадной позолоты... Посторонись съ моей дороги. Ступай,—мнѣ нѣтъ дѣла до тебя!.. Иди, ничтожный освобожденный рабъ ничтожнаго вѣка...

Володя сначала слушалъ съ опущенной головой, потомъ поднявъ взглядъ на Артюхову и внимательно-задумчиво слѣдилъ за движеніемъ ея губъ, за движеніемъ ея бровей, то расходившихся,

то дѣлавшихъ складку. Потомъ, точно желая всецѣло отдаться впечатлѣнію, опять опустилъ глаза, внимательно вслушиваясь. Когда она кончила, онъ встрѣтилъ ея взглядъ взглядомъ, полнымъ уваженія, и, протягивая ей руку, сказалъ:

— Позвольте дружески поблагодарить васъ за этотъ урокъ. Имъ положено прекрасное начало. Я надѣюсь оказаться понятливымъ ученикомъ...

Артюхова, отвѣчая на его рукопожатіе, не спѣшила высвободить свою руку изъ его. Въ этомъ было что-то такое наивное и свѣтлое, точно они были давно близки другъ другу. И потомъ, уже отнявъ свою руку, она еще нѣсколько мгновеній смотрѣла на него дружескимъ и немного грустнымъ взглядомъ.

А Володя серьезнымъ тономъ продолжалъ:

— Такъ-что, если вы позволите, мы съ завтрашняго же дня будемъ продолжать наши занятія.

Артюхова просто отвѣтила:

— Если вамъ угодно.—И потомъ съ доброжелательной улыбкой добавила:—Такъ вы убѣдились, что поэзія учительницы Ады Негри—нѣчто иное, чѣмъ страданія изъ-за восьмирублевого жалованья?..

Володя шутливо-огорченно отвѣтилъ:

— Я, кажется, былъ внимательнымъ на сегодняшнемъ урокѣ... За что же вы меня ставите въ уголъ?..

Артюхова добродушно улыбнулась:

— Ну, не буду!..

И Володя любезно попросилъ ее:

— Ну, а теперь, пожалуйста, прочтите-ка, какъ это будетъ по-итальянски... эти строчки, гдѣ о золотомъ-то теленкѣ...

Артюхова, взглянула въ книжку, прочла:

— *Fra gli ozi
Lieti di sonnolente ore perdute
Torna, vitello d'or.
Torna fra balli, carte e prostitute;
Io non vendo i miei baci ed il mio cor.*

Володя съ увлеченіемъ произнесъ:

— Какая красота!..

Прошла минута въ молчаніи.

А изъ-за поворота аллеи, немного пыхтя и отирая платкомъ потный лобъ, подходилъ Молодцыгинъ.

XIII.

Замѣтивъ Володю съ Артюховой, Иванъ Ѳедоровичъ улыбнулся и на минуту остановился—было въ нерѣшительности: подойти или вернуться назадъ?

Но Артюхова уже замѣтила его и, поклонившись ему кивкомъ головы, сказала Володѣ:

— Вонъ вашъ управляющій.

Володя съ чуть замѣтной досадой сдвинулъ брови, оглянулся, но сейчасъ же, мѣняя настроеніе, весело спросилъ:

— Иванъ Ѳедоровичъ, голубушка, вы какими судьбами?

Молодцыгинъ, ускоривъ шагъ, подошелъ къ нимъ:—Ежели помѣшалъ,—ей-Богу, нечаянно!

Онъ обмѣнялся любезнымъ рукопожатіемъ съ Артюховой и съ добродушнымъ смущеніемъ говорилъ:

— Я ушелъ отъ компаніи гостей, чтобъ немного освѣжиться отъ духоты и помечтать при лунѣ о своей одинокой жизни... и не ожидалъ... простите!

Володя, по привычкѣ дурачиться, сказалъ:

— Мнѣ предъ вами надо извиняться:— не помѣшалъ ли я? Можетъ-быть, вы рассчитывали встрѣтить здѣсь Ольгу Петровну одну?

Онъ взглянулъ при этомъ на Артюхову и, замѣтивъ ея серьезно-недоумѣвающей взглядъ, сразу переимѣнилъ тонъ и съ искренней сердечностью сказалъ:

— Простите, ради Бога, за неумѣстную шутку,—она сорвалась потому, что Иванъ Ѳедоровичъ уже наговорилъ мнѣ о васъ столько восторженныхъ похвалъ!.. Не буду больше, простите. Это одна изъ дурныхъ привычекъ золотого теленка...

А Молодцыгинъ, положивъ въ карманъ платокъ, которымъ вытиралъ лобъ, досталъ изъ кармана другой, не развернутый, развернулъ его и, продолжая вытирать все еще струившійся у него со лба потъ, говорилъ:

— И не раскаиваюсь, что нахвалилъ. Надѣюсь, убѣдились,

И. Бродскій. Италия. Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Девятая премія).

что похвалы были не лишны, и доверия хозяина моего къ себѣ я ими не подорвалъ.

Артюхова, добродушно-пытливымъ взглядомъ смотря на Молодцыгина и указывая ему мѣсто рядомъ съ собой, сказала:

— Да вы присядьте. Вы, очевидно, устали.

Иванъ Федоровичъ съ благодарностью посмотрѣлъ на нее:

— Вотъ именно! Я и добирался-то сюда, чтобъ посидѣть на этой скамеечкѣ въ уединеніи, пока другіе гуляютъ по другимъ аллеямъ...

И онъ присѣлъ рядомъ съ Артюховой, оказавшейся такимъ образомъ между нимъ и Володей.

Володя, улыбаясь, сказалъ:

— Мы могли бы васъ оставить въ желанномъ уединеніи. Я вотъ уже съ самаго начала предлагалъ Ольгѣ Петровнѣ пойти туда, къ дому...

И онъ вопросительно посмотрѣлъ на Артюхову.

Но она покачала слегка головой и шутливо сказала:

— Нѣтъ, ужъ лучше въ другой разъ!

Иванъ Федоровичъ одобительно кивнулъ и вдругъ вспомнилъ:

— Да васъ, Владиміръ Ильичъ, тамъ ищутъ.

— Кто?

— Муза Андреевна.

Володя не успѣлъ скрыть охватившаго его смущенія и отрывисто спросилъ:

— Одна?

Но уже успѣлъ овладѣть собою прежде, чѣмъ Молодцыгинъ, съ чуть замѣтной усмѣшкой, отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, Константинъ Антонычъ съ ней. Пошли вмѣстѣ по боковой аллеѣ.

— Куда?

Молодцыгинъ указалъ рукой влѣво:

— Вонъ туда, къ елямъ!

У Володи отлегло отъ сердца: Котя, стало-быть, исполняетъ, какъ слѣдуетъ, его просьбу; и теперь, хотя и съ опозданіемъ, онъ еще застанетъ Маню на скамейкѣ у пруда одну. И онъ рѣшительно всталъ и, вѣжливо кланаясь Артюховой, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ извиняюсь, я долженъ быть сегодня въ распоряженіи моихъ гостей... До завтра!..

Артюхова пожалла протянутую ей руку и дружески-просто отвѣтила:—До завтра.

Володя, еще разъ сдѣлавъ прощальный жестъ рукой, быстро пошелъ вправо.

Молодцыгинъ окрикнулъ его:

— Владиміръ Ильичъ, Владиміръ Ильичъ! Да вѣдь они не тамъ!

Володя на ходу отвѣтилъ:

— Ничего, я попаду имъ навстрѣчу, идя съ этой стороны.

И скрылся въ тѣни аллеи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разбойничья нора.

Разсказъ А. С. Панкратова.

I.

— У-у-у-у-у-у!..—вылъ вѣтеръ въ трубѣ Микешкиной избы. Микешка проснулся среди ночи отъ холода и, прислушавшись, понялъ, что злой, голодный буранъ, его вѣчный врагъ, ломится къ нему въ хату.—У-у-у-у-у!..—непустишь, развѣю по вѣтру, разобью, оголю! У-у-у-у-у!..—слышалъ мужикъ угрозы бѣснующейся степи. Микешка натянулъ-было на себя тряпье, спряталъ въ немъ голову, но скрыться отъ воя не могъ. Въ его воображеніи выросъ вдругъ „онъ“. Огромный, черный. Безъ очертаній и фигуры, необъятный, но жестокий... „Самъ дьяволъ“,—рѣшаетъ Микешка. Вотъ „онъ“ торжествующе хохочетъ, видимо, настигъ кого-нибудь и закружилъ въ дикой пляскѣ или проникъ въ чье-нибудь робкое, испуганное сердце безнадежнымъ отчаяніемъ.—Трахъ! Трахъ!—Что-то трещитъ, ломается, рушится. Идетъ страшная борьба сатаны съ ангеломъ. Кто-то израненный, истекающій кровью жалобно молить о пощадѣ. Но пощады нѣтъ,—и Микешка въ наступившей тишинѣ ясно слышитъ похоронное пѣніе. „Все кончено!“—проносится въ его мозгу. Перекрестился подъ тряпьемъ, думая крестомъ отогнать черную думу, но это не помогло. Мучительное беспокойство усилилось. Мужикъ заметался по печкѣ. Надъ его головой опять захохоталъ, завывалъ, какъ голодный волкъ, буранъ, и Микешка, сбросивъ тряпье съ головы, услышалъ шорохъ въ избѣ. Это съ порывомъ вѣтра влетѣлъ черезъ трубу „онъ“ и, непрошенный, незванный, началъ безцеремонно шарить по полатямъ, кого-то ища. Холодный, какъ рѣчной омутъ. И такой же страшный, какъ омутъ. Микешка вздрогнулъ и судорожнымъ движеніемъ руки оцупалъ мѣсто около себя. Потомъ прижался къ теплому тѣлу спящей рядомъ жены, спрятался за нее и замеръ въ испугѣ, чутко прислушиваясь къ наступившей тишинѣ.

Грудной Васька, спавшій на рукѣ у матери, тоже проснулся отъ холода и долго искалъ губенками грудь, нашелъ и началъ громко, усиленно сосать. Мать заворочалась во снѣ, заметалась и зашептала. Микешка услышалъ, какъ она испуганно говорила:—Не бей. За что? Микешъ, за что?..—Сердце его болѣзненно заняло. Онъ привсталъ на локтѣ, посмотрѣлъ въ лицо жены, хотѣлъ разбудить ее, но вмѣсто того уронилъ голову на руки и застылъ ничкомъ въ неподвижности. Долго лежалъ такъ и слушалъ вой вѣтра. Думалъ о своей жизни, о проклятѣ, которое висѣло надъ его родомъ, о томъ, что въ сусѣкѣхъ у него нѣтъ даже пыли, и завтра семья нечего будетъ ѣсть. Пришелъ голодь... Это онъ воетъ въ трубѣ, перебираетъ солому на крышѣ, отрываетъ отъ нея по пучку и уноситъ съ хохотомъ въ поле. Это онъ ходилъ сейчасъ гдѣ-то около него, холодный, страшный, какъ утопленникъ...—Значить, помирать надо,—шепчетъ Микешка. „Что жъ? онъ-то готовъ, но вотъ ребятъ жалъ, ихъ шесть, малъ мала меньше. Онъ лядаций,—не способный къ работѣ, больной ногами. А они все здоровыя. Зачѣмъ имъ помирать? Кто же будетъ жить въ этой избѣ? Кто отмолитъ тяжкіе грѣхи дѣда, отца и его, Микешкины, грѣхи? Да и не хотѣлось такъ помирать. Хорошо помирать, когда все объ этомъ знаютъ... Придетъ въ избу попъ, въ окно будутъ смотрѣть любопытные сосѣди. Такъ умиралъ его дѣдъ и отецъ. А если буранъ занесетъ улицу, и никому пройти будетъ нельзя, тогда умирать страшно. Смерть придется встрѣ-

чать одному. Лишь ребята надъ ухомъ будутъ ныть: „Тяжка, дай хлѣба!..“

Сильный порывъ вѣтра разорвалъ нить его мыслей. Что-то хлопнуло и оторвалось. Дверь, должно-быть. Микешка вздрогнулъ. „Есть ли спички?—подумалъ онъ.—Нешто разбудить жену, спросить? Жалко, больная она съ Покрова, какъ Ваську родила, мѣчи ей нѣтъ, умираетъ, зная... И Ваську разбудишь. Онъ, малецъ, раскинулъ ручонки, головой въ груди уперся.“

— Авдотья! Дунька! Спишь?—тихо проговорилъ Микешка.

— Чаво?—отвѣтила жена, не раскрывая глазъ.

— Спички есть?

— Нѣтути.

Микешкѣ стало грустно. Онъ захотѣлъ сочувствія, подвинулся къ женѣ, нашелъ ее руками и окликнулъ:

— Дунька!

— Ну?—отвѣтила тихо та.

Повернулась къ нему и положила ему руку на широкую, волосатую грудь. Микешка почувствовалъ, какъ тепло ея тѣла сообщалась ему, а ласка вливалась силу и бодрость.

— Дунька, какъ будемъ? Буранъ...—шептала онъ ей.

— Не знаю, Микешъ.

— Мукіи нѣтъ?

— Нѣтути.

Онъ и самъ зналъ, что нѣтъ. Но зачѣмъ-то спросилъ:

— А картошка?

— Двѣ въ горнушкѣ лежатъ. Мерзлыя...

Заплакала Васька, и Авдотья повернулась къ ребенку. А Микешка сталъ думать, что еще не все кончено, и онъ выпутается изъ бѣды. Ванька набираетъ завтра кусковъ, а онъ сходитъ къ березинскому барину, и тотъ дастъ ему мукіи. Непремѣнно дастъ. Намедни, какъ баринъ уѣзжалъ со станціи, онъ подскокилъ и застегнулъ полость у саней, думая получить на водку. Баринъ тогда ничего не далъ, но теперь непременно дастъ.

Стали просыпаться ребята. Лопоухій Прошка выглянулъ съ полатей изъ тряпья и началъ звать мать. Та долго не откликнулась.

— Мамка!.. Мамка!..—тянулъ ребенокъ, готовый заплакать.

— Ну, что тебѣ?—сердито отвѣтила мать.

Она хорошо знала, что ему надо. Прошка ложился и вставалъ съ одной просьбой: дай хлѣба. И теперь онъ затынулъ свое:

— Да-а-ай хлѣбца...

Мать не отвѣтила.

„Надоѣсть просить—уснетъ“,—думала она.

Хотя знала, что безъ крику Прошка не обойдется.

Было темно, хотя до разсвѣта, видимо, оставалось немного. Буранъ вылъ тише, и призраки, тревожившіе ночью Микешку, куда-то исчезли. Прошка уже ревелъ, просили хлѣба и другія ребята. Лишь одиннадцатилѣтній большакъ Ванька лежалъ молча. Авдотья или отмалчивалась, или отвѣчала бранью:

— Подожди! Ни свѣтъ ни заря! Напасти на васъ нѣтъ, лукава родня!

Но на сердцѣ у нея лежали пуды. Васька непрестанно лѣзъ къ ея груди, подолгу сосалъ и въ конецъ истомилъ. У нея болѣла голова, и во всемъ тѣлѣ чувствовалась слабость. Не хотѣ-

лось рукой шевельнуть. Лежать бы въ темнотѣ долго-долго... Умереть бы, чтобы не видѣть и не чувствовать ничего.

— Демьянъ не дасть?—спросилъ ее тихо мужъ.

Она не сразу отвѣтила. Болѣзненно, тяжело вздохнула и сказала:

— И не проси, вечеръ посылала Ваньку,—обругалъ.

Самому Микешкѣ никто не дасть. Его считаютъ лодыремъ и пьяницей, хотя водку онъ видитъ рѣдко. Но главное—на него положено „заклять“: дѣдъ его грабежомъ занимался и людей на большой дорогѣ убивалъ. Души невинныя воззвали къ Богу: „прокляни убійцу и весь родъ его за кровь нашу и за слезы сиротъ нашихъ!“ И Богъ проклялъ. Такъ рассказывали въ деревнѣ старики и старухи. Авдотья разнюхивалась къ этому. Не вѣрила, когда выходила замужъ за Микешку, который тогда былъ сильный, красивый парень и хорошій работникъ. Стала вѣрять, когда увидѣла, что каждый годъ въ семью приноситъ несчастье: то ребенокъ—лишний ротъ—родится; то корова падетъ; то Микешка пьяный ноги поморозитъ; то сусликъ хлѣбъ поѣстъ. Теперь, когда въ домѣ пылинки хлѣбной нѣтъ и продать стало нечего, она уже ясно видѣла персть Божьяго проклятья. И была увѣрена, что будущее никогда уже не принесетъ ей радости, а убьетъ и то, что осталось. Она давно приучила себя къ мысли о смерти и ждала смерть равнодушно, даже желала ее и всегда думала, что произойдетъ что-то страшное, которое снесетъ съ лица земли и ее съ Микешкой, и дѣтей, и домъ ихъ...

Стало свѣтать. Ребята притихли и лежали съ открытыми глазами, смотря въ потолокъ. Авдотья осторожно оторвала спавшаго Ваську отъ груди и привстала—было на локтѣ, но въ глазахъ ея пошли синіе круги, и она опять тяжело опустилась на подушку. Микешка видѣлъ это движеніе и съ жалостью смотрѣлъ на жену изъ-подъ тряпья. Въ груди его что-то тревожно забилось и запылало. Авдотья черезъ минуту все-таки поднялась и, зажмурившись, стала слѣзать съ печи. Пошла, держась за стѣну. Около рукомойника покачнулась, но устояла. Въ головѣ ея вдругъ зашумѣло. Она открыла глаза—синія впадины оконъ поднялись съ своихъ мѣстъ и поплыли... Кое-какъ добралась до лавки, сѣла и замерла, вѣзмъ тѣломъ опершись на стѣну. Микешкѣ съ печи видны были только ея ноги въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ, да блѣло въ темнотѣ блѣдое лицо. Воцарилась на минуту томительная тишина, былъ слышенъ лишь отдаленный гулъ вѣтра, да Васька во снѣ искалъ губенками грудь матери и заранѣе чмокалъ.

Микешка тоже слѣзъ съ печи и сѣлъ на кончикъ. Онъ хотѣлъ было сказать, чтобы Ванька шель за кусками. Но вспомнилъ о буранѣ и о томъ, что пройти по улицѣ теперь трудно—все занесено снѣгомъ,—и молчалъ. Можетъ-быть, Авдотья придумаетъ какой-нибудь другой выходъ? Но она сидѣла въ полной неподвижности, съ закрытыми глазами. „Покойница“,—подумалъ Микешка.

Слѣзъ съ полатей Ванька. Отецъ кинулъ ему бѣлые съ красными крапинками валенки, единственные на всю семью:

— Надѣвай!

Ванька весь ушелъ въ валенки, края ихъ подпирали ему живость.

— Ты бы походилъ, посбиралъ,—тихо сказалъ отецъ, не глядя на сына.—Хлѣба-то нѣтъ.

Ванька молчалъ и не двигался съ мѣста. Молчала и мать. Такъ сидѣли они трое и думали о томъ, что на улицѣ сейчасъ горы снѣга, и пройти нельзя. Но такъ какъ надо достать гдѣ-нибудь хлѣба и спичекъ, то итти необходимо. У вѣхъ ихъ на сердцѣ лежалъ камень.

— Ты бы пошелъ,—повторилъ Микешка.

— Никто не дасть,—увѣренно отвѣтилъ сынъ и поднялъ голову.

Онъ уже ходилъ по міру послѣднихъ три дня и зналъ, что почти вѣсь въ деревнѣ сами нуждались въ хлѣбѣ.

— Можетъ, дадутъ,—сказалъ отецъ.—У Коровиныхъ теперь печку залопили, чай пьютъ...

— Холодно, тятка, замерзну... Небось, снѣгу нанесло.

— Ничего. Я тебя одѣну...

Микешка взялъ съ коника старую женину, когда-то плисовую, а теперь просто драную и рыжую, цацавейку, напялил ее на сына и подпоясалъ рогожной веревкой.

— Ты только къ Коровинымъ проберись, тамъ теперь чай пьютъ,—повторялъ онъ, торопя сына и стараясь не смотрѣть въ сторону жены. Онъ боялся, что она не пуститъ Ваньку на холодъ. Но Авдотья сидѣла, какъ изваяніе.

Ванька снялъ съ гвоздя отцову шапку и взялъ въ руки палку.

— Ну, съ Богомъ,—сказалъ Микешка.

Мальчикъ пріотворилъ дверь. Оттуда дунулъ вѣтеръ и пахнуло холодомъ. Онъ затворилъ и стоялъ въ нерѣшительности, опустивъ голову. Отецъ толкалъ его сзади:

— Иди. На улицѣ-то теплѣй, тамъ солнце... Иди!

Мальчикъ обернулся и вдругъ испуганно закричалъ:

— Мамка!

Какъ-будто стоялъ передъ зіяющей бездной или увидѣлъ что-то страшное... Въ голосѣ были отчаянье и слезы. „Спаси, защити“,—молилъ его взгляды. Авдотья раскрыла глаза, подняла голову, тупо посмотрѣла на сына и вѣзмъ тѣломъ беззвучно повалилась на лавку...

Ванька скрылся за дверью...

II.

Къ вечеру буранъ стихъ. За горами снѣга не было видно домовъ. Люди прокладывали себѣ дорогу лопатами. Микешка, обезсиленный, испуганный, приползъ къ старостѣ, дрожа отъ холода. Тамъ ужъ сидѣло нѣсколько такихъ же, какъ онъ, горемыкъ. Они заняли весь коникъ и лавку у печки. Одинъ влѣзъ даже на печь. Староста былъ изъ богатыхъ. Изба у него расписная, натопленная. На полкѣ лежали только-что испеченные ситные, раздражая своимъ запахомъ голодныхъ людей. У печки стоялъ самоваръ, обѣщая удовольствіе теплоты...

Староста сидѣлъ за столомъ въ розовой, безъ пояса рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ. Глаза его немного припухли отъ сна. Движенія были лѣнныя и намѣренно надменные. Онъ видѣлъ, что его сытой жизни завидуютъ, и это ему доставляло радость.

— Я, што ль, васъ буду кормить?—грубо говорилъ онъ, глядя куда-то въ полъ.

— Не ты, Кузьма Артемычъ,—отвѣтилъ ему Васька Дергачъ, сосѣдъ Микешки.—Мы у тебя не просимъ. Ты сѣзди къ земскому и попроси у него кормовыя. Скажи, молъ, помираемъ.

— Ничего не выйдемъ,—коротко отрѣзалъ староста.

Ему не хотѣлось выходить на стужу изъ теплой избы. Надо къ тому же гнать лошадь, гнуть спину передъ начальствомъ. Изъ-за своего дѣла еще можно и поклоняться, но для этихъ голодранцевъ безпокоить себя не стоитъ. Онъ поэтому твердилъ одно:

— Не дасть. Знаю.

Мужики долго говорили о своей бѣднотѣ, о томъ, что имъ „конецъ пришелъ“, а самимъ ѣхать просить о кормовыхъ нельзя—лошади нѣтъ. Староста молчалъ и думалъ: „когда ихъ унесетъ нелегкая?“ Но мужики пригрѣлись, уходилъ на холодъ, возвращаться въ свои голодные семьи у нихъ не было охоты. Они повторяли одно и то же, иногда просто молчали, но не уходили. Старостѣ хотѣлось пить чай, угощать же голодранцевъ не хотѣлось. Онъ всталъ и рѣшительно заявилъ:

— Обмозговать надо—вотъ что! Нельзя сразу. Сунешься безъ толку—хвостъ прищемютъ. Это не такое дѣло. Вотъ соберу сходъ, тогда рѣшимъ, итти къ земскому, али нѣтъ.

Когда Микешка уходилъ, то унесъ съ собой пріятное ощущеніе запаха свѣжеиспеченнаго хлѣба. На улицѣ, когда они шли по тропкѣ гуськомъ, онъ слышалъ сзади себя чей-то, негодующій по адресу старосты, голосъ: „Ему вѣтеръ-то взадъ. Хорошо говорить!“

На сходѣ выяснилось, что кормовыя надо просить вѣзмъ, кромѣ старосты. Своего хлѣба въ деревнѣ было мало. Нѣкоторымъ, какъ Микешкѣ и Дергачу, помощь нужна была сейчасъ, другимъ—черезъ недѣлю или черезъ мѣсяць. Долго калякали „старики“ и наконецъ рѣшили послать старосту за кормовыми. Микешка сидѣлъ все время молча и о чемъ-то сосредоточенно думалъ. Еще съ утра въ его маленькомъ мозгу появилась мысль, которая его сначала испугала. Потомъ онъ привыкъ къ ея грандіозности, и теперь, когда онъ слушалъ стариковъ, эта мысль казалась ему самой обычной, легко исполнимой. Надо было только ее высказать. Но на сходахъ онъ говорилъ—даже не говорилъ, а кричалъ—только пьяный. Трезвому ему не давали говорить,—и если случалось, что онъ что-нибудь произносилъ, то сейчасъ же послѣ перваго слова на него нападала робость, онъ обрывался и неожиданно, не окончивъ рѣчи, замолкалъ, такъ какъ уже не вѣрилъ въ то, что его слова кому-нибудь нужны. Теперь онъ выждалъ, когда старики, наговорившись досыта, замолкли, и выпалилъ однимъ духомъ:

— Это дѣло... А только не попытать ли намъ счастья? Вотъ что!

Голосъ его дрожалъ:

— Въ разбойничьей норѣ сорокъ сундуковъ закопаны. Съ золотомъ. Вотъ что! Найдемъ—богаты будемъ. Вотъ что!..

Онъ оборвался, и на лицѣ его выступилъ потъ. Нѣсколько секундъ вѣсь молчали. Необычайность предложенія озадачила сходъ.

(Окончаніе будетъ).

Горный походъ.

Рассказъ И. Чеха.

I.

Въ августѣ 1853 года отрядъ нашъ стоялъ на Турчидагскихъ высотахъ. Погода выдалась такая ненастная, что хоть бы и подъ стать глубокой сѣверной осени. Туманъ, дождь, изморозь. Изрѣдка проглянетъ солнышко, а затѣмъ опять ненастье. И такъ тянулось цѣлый мѣсяць. Вьюки съ офицерскимъ скарбомъ стали покрываться плѣсенью.

Тоска страшная отъ такой стоянки. День сумрачный, гнилой, расчерченный въ приказахъ по отряду по одному шаблону, по часамъ. Вечеромъ аккуратно приносятся конвертики съ помѣткой „секретно“, и въ немъ лоскутокъ бумажки съ магическими словами: „пароль, лозунгъ, отзывъ“.

Безотрадно глядишь на окружающія горы въ тѣ моменты, когда онъ очищаются отъ облаковъ хоть бы какая-нибудь „партія“ по-

казалась, но нѣтъ, — въ нихъ ни души, все какъ бы вымерло. Продолжительное бездѣйствіе насъ деморализуетъ, мы совсѣмъ опустили и стали до того безпечны, что намъ кажется, будто мы уже не на Кавказѣ, а гдѣ-то тамъ, въ родномъ деревенскомъ захолустьѣ. И только въ рѣдкіе промежутки появленія солнышка горная природа прогоняетъ эту иллюзію.

Лежишь на краю пропасти и сквозь разорвавшуюся отъ вѣтра пелену облака видишь освѣщенный горячими лучами солнца аулъ. Онъ лепится своими саклями и башнями къ крутымъ скалкамъ въ дѣтской складной игрушкѣ, а изрѣдка снуюція въ чувствуешь палящій зной, которымъ августъ обыкновенно угощаетъ дагестанскіе аулы, расположенные въ низовьяхъ горныхъ котловинъ; и тогда какъ тамъ страшно печетъ, у насъ тутъ, на высотахъ, мерзнешь среди лѣта.

Отъ продолжительной стоянки въ офицерскомъ обиходѣ начинаютъ проявляться зловѣщіе признаки. Маркитантскія книжки на кредитъ испещрены такими записями: „Спирту, колбасы, колбасы, спирту, спирту, спирту, колбасы...“ Этакъ, пожалуй, кто-нибудь доскачетъ и до бѣлой горячки.

Затѣялась-было игра, да какъ-то быстро порвалась. Не то счастье, не то мастеръ своего дѣла живо обобралъ все офицерскіе карманы, ловко шмыгнувъ изъ нашего отряда въ другой, и остался у всехъ въ наличности сторублевый билетъ тифлискаго приказа общественнаго призрѣнія, испещренный передаточными надписями. Некому его здѣсь размѣнять, и пропала у всехъ охота рѣзаться изъ-за него въ штось. Послѣдній владѣлецъ спряталъ его въ свои выюки и предаль пока забвенію, какъ вещь совсѣмъ ненужную. Изъ книгъ было три-четыре разрозненныхъ романа: „Рославлевъ“, „Герой нашего времени“, „Мазепа“ да еще что-то; читаны они были, перечитаны и затасканы до невозможности, — всемъ пріѣлись. Рассказывали ловко разные скоромные анекдоты поручикъ Ивановъ, но ихъ выучили все назусть, а новыхъ не прибавлялось.

Просто такая беретъ одурь и тоска, что и не знаешь, куда дѣваться.

А между тѣмъ отрядъ нашъ не маленькій. Тутъ и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія, а начальникъ его, небольшой, кругленькій старичокъ съ сѣдыми усиками, съ перегнутымъ армянскимъ носомъ, съ черными, какъ смоль, глазами, какъ-то особенно равнодушно на все глядящими изъ-подъ нависшихъ бровей съ просѣдью. Это самъ князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Долгорукій, котораго Шамиль боится пуще огня. Какъ ни хитеръ имамъ, но ни разу не могъ его провести, а самъ много разъ попадался съ нимъ впросакъ и улепетывалъ отъ него, показывая только пятки. Бѣлый крестъ на шеѣ и генераль-адъютантскій аксельбантъ краснорѣчиво говорятъ о высокихъ заслугахъ небольшого старичка. Онъ не рѣчиствъ, простъ, доступенъ и, несмотря на шестой десятокъ въ концѣ, по закалу своему — желѣзный человекъ. Солдатъ вѣритъ въ него, какъ въ Бога, и знаетъ, что, куда бы ни повелъ его старикъ, хоть бы въ тартарары, непременно приведетъ къ побѣдѣ. Вотъ это-то неотразимое на всехъ обаяніе старичка, не разстающагося съ коротенькимъ чубукомъ, набиваемымъ ему неизмѣннымъ спутникомъ его и вѣрнымъ слугой Глахуной, и говорить намъ, что мы недаромъ стоимъ на Турцидагскихъ высотахъ и вкушаемъ все прелести „сихъ прекрасныхъ мѣстъ“.

II.

Что покорить Кавказъ было дѣломъ нешуточнымъ, кажется, говорить нечего.

На протяженіи тысячи двухсотъ верстъ отъ Таманскаго полуострова, на Черномъ морѣ, до полуострова Апперонскаго, на Каспійскомъ, тянется высочайшій хребетъ горъ, въ самыхъ узкихъ мѣстахъ толщиной не менѣе двухсотъ верстъ, а въ восточной своей части онъ образуетъ страну, носящую названіе Дагестанъ, т.-е., по-арабски, „гористая страна“, занимающую площадь въ 25 тыс. квадр. верстъ.

Судьба было угодно помѣстить какъ разъ среди владѣній нашихъ, на перешейкѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, этотъ хребетъ, и будь онъ только одною, никѣмъ необитаемою, каменною да снѣговою глыбой, то и тогда бы служилъ перегородкой, черезъ которую перешагнуть было бы не легко, а когда въ нѣдрахъ его оказалось миллионное населеніе людей, оторванныхъ отъ всего міра, не вѣдающихъ и не желающихъ вѣдать ничего творящагося за предѣлами своихъ горныхъ трущобъ, никогда не признававшихъ надъ собою ничьей власти и только живущихъ разбоемъ, грабежомъ и набѣгами на наши предѣлы, — намъ пришлось поневолѣ крѣпко призадуматься надъ вопросомъ: какъ справиться съ такими людьми? Языковъ оказалось у нихъ столько, что всехъ и не перечтешь, и для cadaго нужно было добывать особаго переводчика. Однакожъ сначала все-таки дѣло шло у насъ съ ними на дружескихъ переговорахъ да разговорахъ; хотѣли мы сойтись съ ними по-божески, мирно да смирно, и выслушивали все ихъ желанія и требованія съ евангельскимъ терпѣніемъ. Думали смягчить ихъ суровость, дикость, неподатливость торговыми сношеніями, завели у подошвъ ихъ горъ базары и факторіи, торговлю повели мѣнову: мы даемъ имъ мануфактуру, соль, а они намъ — разное сырье: воскъ, медъ, звѣриныя шкуры, бурки и т. д., — но все это ни къ чему не по-

вело: отъ хищничества они не могли отвыкнуть, и тѣ изъ нихъ, которыхъ мы допускали въ свои предѣлы на кавказскую линію съ мирными цѣлями, являлись къ намъ только для того, чтобы высматривать удобнѣйшіе пути, и по нимъ проводили къ намъ для разбойническихъ набѣговъ шайки своихъ земляковъ.

Такъ дѣло наше съ горцами тянулось съ грѣхомъ пополамъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ, пока наконецъ императоръ Александръ I не рѣшилъ покорить ихъ оружіемъ, для чего и назначилъ правителемъ Грузіи и главнокомандующимъ всеми войсками на Кавказѣ и въ Закавказьѣ генерала Ермолова.

Грозенъ былъ тамъ Алексѣй Петровичъ, а грозенъ потому, что орлинымъ своимъ взглядомъ сразу постигъ, какъ именно возможно было справляться съ горцами. Всякіе переговоры и соглашенія съ ними онъ считалъ за пустую трату времени и, избравъ самое ихъ неприступное гнѣздо — Дагестанъ, повелъ въ немъ свою съ ними расправу.

Трущобы Дагестана увидѣли впервые у себя въ гостяхъ русскіе полки и русскія пушки, предводимые богатыремъ-генераломъ, для котораго не существовало никакихъ препятствій. Налеталъ онъ какъ ураганъ, проходилъ по такимъ мѣстамъ, куда забирался одинъ лишь туръ, не покорившись ему становилось немислимимымъ, — и все покорялось.

Спалъ онъ на буркѣ, ѣлъ солдатскую кашу, а взглядъ его всехъ заставлялъ трепетать. И не безслѣдно дѣлалъ генералъ свои посѣщенія горскихъ трущобъ, не уходилъ изъ нихъ безъ заложниковъ отъ смиравшихся горцевъ — поруки за ихъ вѣрность, а въ мѣстахъ командующихъ возводилъ укрѣпленія, гдѣ оставлялъ гарнизоны. Такъ выстроены были имъ укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Темиръ-Ханъ-Шура и другія, въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ расположилъ онъ штабъ-квартиры полковъ и другихъ частей.

И Дагестанъ смирился передъ такимъ исполиномъ, въ Чечнѣ же и прежде было совсѣмъ покойно. Алексѣй Петровичъ пошелъ бы и далѣе, къ полному замиренію горъ, но въ 1827 г. его отозвали съ Кавказа...

Не стало мастера дѣла, и все помутилось. Военнаго генія одного лица не могла замѣнить суетливая посредственность нѣсколькихъ лицъ, и при многовластіи явилось безвластіе, въ особенности, когда распоряженія стали ити изъ петербургскихъ кабинетовъ.

Какъ конь, съ котораго снимаютъ уздечку, чуя себя на свободѣ, тотчасъ летитъ, какъ стрѣла, куда ни попало, такъ и горцы, почувявъ, что уздечки на нихъ нѣтъ, что Ермоловъ далеко отъ нихъ, — смѣло подняли головы, на сердцѣ у нихъ отлегло, и среди нихъ пошло назрѣвать движеніе, направляемое ихъ муллами-фанатиками. Первый изъ нихъ, Казимулла, повелъ скопища горцевъ противъ русскихъ и имѣлъ успѣхъ, воодушевившій лезгинъ, которые послѣ того стали отчаянно сражаться подъ знаменемъ священной войны — Газавата. Когда же не стало перваго отважнаго ихъ вождя, павшаго въ бою, его смѣнилъ другой — Гамзатъ-бекъ, а когда и тотъ сложилъ свою голову, на сцену выступилъ Шамиль. Горская война начала принимать совсѣмъ неблагоприятный для насъ характеръ. Талантливый предводитель горцевъ сумѣлъ ихъ такъ сплотить между собою, что Чечня присоединилась къ Дагестану; боевыя силы ихъ получили правильную организацию, и противъ такихъ видимыхъ успѣховъ Шамиля въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ царилъ одинъ лишь эмпиризмъ.

Излишне было бы говорить о поглощавшей несмѣтныя суммы черноморской береговой линіи крѣпостей, возведенной противъ западнаго Кавказа и нимало не приводившей къ ихъ покоренію. Въ самомъ же Дагестанѣ въ нашей тактикѣ все держалось на періодическихъ безцѣльныхъ экспедиціяхъ съ значительными отрядами. Горцы впускали ихъ къ себѣ безъ выстрѣла, бросали свои аулы, наши войска ихъ разрушали и, полагая себя побѣдителями, переходили къ обратному движенію; но тутъ-то и начиналась настоящая драма. Каждый шагъ отступленія стоилъ намъ огромной потери людей, таявшихъ подъ мѣтками выстрѣлами невидимаго врага, засѣваго за каждымъ камнемъ или забравшагося на деревья, а въ тѣснинахъ на насъ дѣлалъ внезапныя нападенія громаднаго скопища. Тогда-то и начались дѣйствительныя наши пораженія. У насъ стали отбивать пушки, у Шамиля образовалась изъ нихъ неслыханная дотолѣ въ горахъ своя артиллерія, и намъ пришлось векорѣ принимать отъ предводителя горцевъ цѣлыя сраженія.

Но все эти неудачи нисколько не научали нашихъ стратеговъ, сочинявшихъ свои планы въ Петербургѣ по топографическимъ и далеко не точнымъ тогда картамъ.

Рядъ почтенныхъ генераловъ, правившихъ за это время Кавказомъ — баронъ Розенъ, Головинъ, Нейдгардтъ — въ сущности, имѣли тутъ мало значенія, такъ какъ всеми дѣйствіями ихъ руководилъ изъ Петербурга военный министръ кн. Чернышевъ.

Императоръ Николай утомился наконецъ этою нескончаемою войною, поглощавшею несмѣтныя деньги и массу людей, и, чтобы покончить съ нею, призвалъ маститаго полководца, побѣдителя Наполеона при Кроонѣ и покорителя Варны, графа М. С. Воронцова, и, поручивъ ему Кавказъ, облекъ его властью на мѣстника. Не мало былъ удивленъ государь, когда Воронцовъ, обсуждая практиковавшуюся тогда систему войны съ горцами, высказалъ мнѣніе о необходимости вернуться къ системѣ А. П. Ермолова. Императоръ не сразу сдался на представленіе Воронцова и потребовалъ отъ него прежде всего привести въ испол-

пеніе подь личнымъ своимъ начальствомъ планъ, выработанный уже для новой большой экспедиціи подь Дарго, тогдашнюю резиденцію Шамиля. Воронцовъ безпрекословно повиновался волѣ государя и въ 1845 году выполнилъ эту экспедицію съ буквальной точностью.

Двадцатитысячный отрядъ выступилъ 31 мая подь командою гр. Воронцова, изъ Герзель-аула, прошелъ Андю, Соматавію, разрушилъ аулъ Дарго и понесъ затѣмъ такое пораженіе въ Ичкеринскомъ лѣсу, что вернулся снова, 20 іюля, въ Герзель-аулъ въ составѣ лишь 2.500 человекъ, имѣвшихъ на рукахъ своихъ 1.500 раненыхъ, и если бы не генераль Фрейтагъ, во-время подоспѣвшій на выручку главнокомандующему, то долженъ былъ бы или сдать горцамъ со всѣмъ отрядомъ, или погибнуть въ рукопашномъ бою, такъ какъ люди не имѣли уже ни провіанта ни огнестрѣльныхъ снарядовъ. Была минута, когда самому Воронцову грозила опасность отъ прорвавшейся сквозь ряды отчаянной партіи горцевъ. Семидесятилѣтній старикъ, готовый защищаться, обнажилъ уже свою шашку и отдалъ приказаніе приближеннымъ не уступать его живымъ въ руки горцевъ;—но, къ счастью для отряда, партію этихъ смѣльчаковъ тутъ же изрубили.

За этотъ походъ императоръ Николай пожаловалъ Воронцову титулъ свѣтлѣйшаго князя и далъ ему полномочіе вести войну съ горцами по той системѣ, которую онъ самъ найдетъ наилучшею. Тогда-то Воронцовъ и могъ примѣнить прежнюю систему Ермолова, расширивъ только ея размѣры.

Исходя изъ того положенія, что нѣтъ и не можетъ быть такой крѣпости, которую нельзя было бы не взять, и считая Кавказъ только за величайшую крѣпость, созданную природою, онъ повелъ правильную осаду и обложилъ его со всѣхъ сторонъ. Собственно же Дагестанъ Воронцовъ блокировалъ такимъ образомъ: съ сѣверной стороны дѣйствовалъ въ немъ чеченскій отрядъ, съ юго-западной—лезгинскій, содержавшій и кордонную линію въ Кахетіи, отъ Алванскаго поля до Нухи, со стороны же Прикаспійскаго края, т. е. съ юго-востока, наступалъ отрядъ дагестанскій. Каждый изъ этихъ трехъ отрядовъ, кромѣ общаго имъ назначенія—наступать въ горы, закладывая въ нихъ укрѣпленія и такимъ образомъ все болѣе и болѣе суживать осадное кольцо—имѣлъ и назначенія спеціальныя: чеченскій занимался вырубкой лѣсовъ, скрывавшихъ подступы къ горамъ; лезгинскій охранялъ Кахетію отъ непрерывныхъ на нее набѣговъ горцевъ, а дагестанскій, разоривъ ближайшіе къ нашей линіи непріятельскіе аулы и принявъ уже съ пятидесятаго года наблюдательное положеніе, занималъ лѣтомъ командующія Турчидагскія, Кутишинскія и другія сосѣднія съ ними высоты. Зимой же очередные батальоны этого отряда располагались въ пограничныхъ аулахъ.

Вскорѣ послѣ примѣненія этой новой системы войны къ Дагестану Шамиль пересталъ уже имѣть прежнія удачі и, по мѣрѣ нашего наступленія, все болѣе началъ терять прежнюю самоувѣренность. Лѣса рушились, прятаться въ нихъ горцамъ для того, чтобы стрѣлять нашихъ людей на выборъ, представлялось все менѣе возможности; отъ укрѣпленій, заложенныхъ въ горахъ, разрабатывались и проводились прекрасныя дороги къ штабъ-квартирамъ отдѣльныхъ частей, занимавшимъ по отношенію къ нимъ центральное положеніе. Такъ что при нападении на укрѣпленія они могли получать на штабъ-квартирѣ немедленную помощь. Словомъ, испытывая однѣ лишь неудачи и пораженія, уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Шамиль видѣлъ, что дѣло его безнадежно проиграно, и ему оставалось, какъ затравленной лисицѣ, пускаться на уловки и хитрости. Въ особенности не сладокъ ему былъ старый его знакомый, командующій дагестанскими войсками князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Долгорукий; ни одного шага не дѣлавшій даромъ, не обезпечивъ себѣ вѣрнаго успѣха, онъ былъ его бичомъ. И вотъ теперь, когда мы стояли въ августѣ 1853 года на Турчидагѣ, и насъ страшно томили бездѣйствіе и продолжительное ненастье,—всякій старый кавказскій боевой офицеръ былъ увѣренъ, что цѣль нашей стоянки имѣла серьезное основаніе.

Да простятъ намъ читатели такое длинное и сухое, похожее на реляцію, отступленіе; но они сами увидятъ, что оно будетъ не лишнимъ для полнаго освѣщенія всей картины.

III.

Поздній вечеръ. Въ свсе время появился приказъ обычнаго содержанія, только съ перемѣною нумеровъ частей, наряжаемыхъ на службу. Разносился и миниатюрный конвертикъ съ таинственными словами; вчера они начинались на букву *и*, сегодня съ буквы *о*. Значитъ, отзывъ долженъ быть *огниво*. Посмотришь въ бумажку: дѣйствительно—*огниво*.

Ночная темнота давно уже окутала все окрестности, обративъ ихъ въ черныя пятна. Лагерный гомонъ затихъ и лишь изрѣдка прерывается лаемъ ротного пса, которому отвѣчаетъ иногда тоскливый плачъ шакала. Часовые, закутанные въ башлыки собственнаго издѣлья и особеннаго, своеобразнаго покроя, прохаживаются по линейкамъ, какъ привидѣнія, и когда все тутъ такъ померкло и стихло, на небѣ вывѣздило, и оттуда замигалъ цѣлый міръ бриллиантовыхъ точекъ. Ясно обозначились Вѣсы, а Млечный путь волнистою рѣчкой перерѣзалъ весь небесный сводъ. Въ лагерѣ все уже спало; не спалъ только прапорщикъ Михайловъ, усѣвшійся на складномъ стулѣ возлѣ палатки и

залюбовавшійся этимъ чуднымъ зрѣлищемъ на небѣ, такъ давно уже скрывавшимся дождями и туманами.

Онъ былъ сегодня на закускѣ у отряднаго инженера, поручика Фукса. Инженеръ не всегда бывалъ въ лагерѣ, его зачастую упекалъ куда-то съ саперной командой старикъ Аргутинскій, но всякій разъ, какъ онъ тутъ появлялся, у него бывали и неизбѣжныя закуски съ пѣсенниками, тостами и брудершафтами. Сегодня начали закусывать рано, еще до 11 часовъ утра; у хозяина оказалась отличная шамая, тушинскій сыръ, огурцы, зелень, чудные шашлыки и, главное—почтенныхъ размѣровъ пузатый бурдюкъ кахетинскаго. Все это доставилъ ему армянинъ марки-тантъ, дорожившій его практикой и бравшій съ него хорошіе куши, не въ кредитъ, а наличными, постоянно у того имѣвшимся.

Сырость и перемежающійся дождичекъ не переставали угощать собою всѣхъ въ отрядѣ, но они нисколько не мѣшали возрастать одушевленію закусывающихъ. Было уже около двухъ часовъ, когда громкія пѣсни, тосты и дружные клики „ура!“ стали явственно доноситься до ставки Аргутинскаго. Услыхавъ ихъ, онъ вышелъ изъ нея въ архалукѣ, съ чубукомъ въ зубахъ, и спросилъ ординарца:

— Гдѣ это?

— У анжанера, ваше сіятельство.

Тотъ былъ у него сегодня рано утромъ съ докладомъ о производимыхъ имъ работахъ. Приходилось для проложенія пути рвать въ одномъ мѣстѣ скалу и дѣлать выемку. Онъ все это исполнилъ и, получивъ дальнѣйшія наставленія, долженъ былъ выѣхать сегодня же обратно въ шесть часовъ. Старикъ, узнавъ, что пирушка идетъ у инженера, вынулъ изъ кармана часы, поглядѣлъ на нихъ и молча ушелъ опять въ свою ставку.

А пѣсни, тосты и клики съ нѣкоторыми перерывами повторялись на разные лады до безконечности.

Часа черезъ два генераль кликнулъ ординарца и приказалъ позвать инженера.

— Ваше благородіе, князь требуетъ!—докладывалъ солдатикъ поручику въ тотъ моментъ, какъ пѣсенники качали его на рукахъ и готовились подбросить при крикахъ „ура!“

Все разомъ стихло. Инженера, находившагося чуть не въ костюмѣ Адама, спустили на землю въ видѣ какой-то мочалки. Сейчасъ же послѣдовало приказаніе денщику тащить какъ можно больше воды—и начался душъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ приведенный въ надлежащій порядокъ, съ шашкой черезъ плечо, Фуксъ шагалъ уже къ князю какъ ни въ чемъ не бывало,—а когда предсталъ передъ нимъ, старикъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы не безъ удивленія: „ни въ одномъ глазѣ“.

— Вы сегодня ѣдете?—спрашиваетъ старикъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Такъ точно,—отвѣчаетъ вопрошаемый тономъ совершенно покойнымъ.—Выѣзжаю въ шесть часовъ, а люди уже высланы впередъ.

— Я позабылъ васъ разспросить сегодня утромъ насчетъ...

И тутъ начинаются разспросы со всѣми возможными подробностями, при чемъ черные глаза князя впадаютъ въ инженера при всякомъ его отвѣтѣ. Тотъ совершенно спокойно и отчетливо даетъ все объясненія. Подловить его нѣтъ никакой возможности. Добрыхъ полчаса продолжается эта полная комизма бесѣда, и наконецъ инженеръ отпускается, а минутъ черезъ десять возобновляются возлѣ его палатки тѣ же звуки тостовъ и кликовъ, съ аккомпанементомъ пѣсенниковъ.

Въ три четверти шестого является къ инженеру самъ Глахуна съ часами князя и съ порученіемъ провѣрить по нимъ часы поручика и видить осѣдланыхъ уже лошадей и выюки у палатки. Инженеръ очень благодаритъ за вниманіе князя и проситъ доложить ему, что онъ на отвѣздѣ. Глахуна уходитъ и ровно въ шесть часовъ, при оглушительномъ взрывѣ кликовъ, Фуксъ трогается изъ лагеря...

Михайловъ послѣ того еле-еле дотацился до палатки и, растянувшись на выюкахъ, уснулъ, какъ убитый. Ночная свѣжесть однакоже пробудила его, и вотъ онъ сидитъ теперь передъ палаткой, а вывѣздившее небо наводитъ его на раздумье.

На-дняхъ будетъ ровно годъ, что Михайловъ прибылъ въ свой полкъ изъ корпуса и за это время много уже пережилъ различныхъ новыхъ и сильныхъ ощущеній. Боевое крещеніе получилъ онъ прошлой зимой, побывавъ въ нѣсколькихъ стычкахъ съ горцами, и раненый или, лучше сказать, оцарапанный въ плечо, недѣли двѣ провалялся въ лазаретѣ. Въ службу онъ еще не совсѣмъ втянулся, и теперешняя стоянка съ дождями и туманами сильно его томила, тѣмъ болѣе еще, что въ штабъ-квартирѣ осталась у него зазнобушка. Случилось это какъ-то совсѣмъ невзначай.

Правда, она ему понравилась съ перваго раза, когда онъ встрѣтилъ ее въ офицерскомъ собраніи. Кавалеровъ, какъ водится, было больше, чѣмъ дамъ, а потому онъ не скоро могъ съ нею танцевать, и все тогда ограничилось полькой да вальсомъ,—кадрили у нея были все разобраны. И только на Святой, когда вышелъ изъ лазарета, ему удалось протанцевать съ нею двѣ кадрили. Ну, ужъ и застѣнчивъ же былъ онъ! Что-то говорилъ ей съ напускомъ развязностью, чего и самъ хорошо не понималъ; она слушала, глядя куда-то въ сторону, давала коротенькіе отвѣты или смѣялась, когда смѣяться было нечему.

Овдовѣла она всего годъ тому назадъ, натерпѣвшись отъ

своего мужа въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ несладкаго житья. Мужъ былъ грубый, необразованный человекъ, кромѣ своей должности по канцеляріи, завѣдывавшій полковымъ обозомъ и лошадами, помѣщавшимися на особо устроенномъ хуторѣ близъ полковыхъ покосовъ.

Денегъ, говорили, было у него много; да какъ и не быть при такомъ тепленькомъ мѣстечкѣ и съ такими правилами, какія у него были. Онъ не зѣвалъ и пользовался всякимъ случаемъ обезпечить себя про черный день. Приглянулась она ему, и мать ея выдала ее за него, какъ только ей исполнилось шестнадцать лѣтъ. Бѣдность все надѣлала, — у нихъ пенсіи всего было семьдесятъ пять рублей. На эти деньги и въ старое время прожить было невозможно.

Мать скоро померла, и осталась Катерина Ивановна съ уродомъ-мужемъ, начавшимъ страшно ее ревновать. И мучилъ онъ ее, пока не хватила его кондрашка.

Такъ рассказывали Михайлову исторію его „предмета“.

Послѣ того вечера, какъ онъ танцевалъ съ нею, видѣлись они еще нѣсколько разъ въ гостяхъ; она была тутъ съ нимъ гораздо разговорчивѣе, и въ глазахъ ея онъ прочиталъ что-то къ себѣ симпатичное, а тогда совсѣмъ расхрабрился и сдѣлалъ ей визитъ.

На первый разъ опять обшлося не безъ застѣнчивости, но потомъ она стала мало-по-малу исчезать. Визиты учащались, и наконецъ онъ не выдержалъ и признался Катеринѣ Ивановнѣ, что безъ нея не можетъ жить. Отвѣтомъ было взаимное чувство; но она поставила непремѣннымъ условіемъ ихъ супружество съ согласія на то его родителей. Невѣста была хоть куда. Молода, хороша, съ порядочными средствами, а главное — совершенно одинокая.

Онъ написалъ домой и въ ожиданіи отвѣта просиживалъ у своей Кати, которая хотя и держала себя съ нимъ очень строго, но не могла отказывать ему въ поцѣлуяхъ.

И теперь, послѣ такой блаженной полосы, цѣлое лѣто приходило ему томиться по разнымъ высотамъ и затѣмъ на Турчидагѣ. Переписываться часто было невозможно: сообщенія съ штабъ-квартирой случались весьма рѣдко; оставалось имъ обоимъ ждать родительскаго согласія, въ чемъ Михайловъ не сомнѣвался, и вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливо ждать окончанія экспедиціи, послѣ чего ихъ любовь должна узакониться узами брака.

Въ разлукѣ она еще болѣе ему нравится, и онъ припоминаетъ все малѣйшія подробности ихъ свиданій. Она превеселая и большая хохотушка. Покойнаго мужа терпѣть не могла и страшно его боялась. Но все миновало. Очень любила мать и ради нея пожертвовала собою. Она любила читать, и Михайловъ переносилъ ей все повѣсти и романы, какіе только нашлись въ штабъ-квартирѣ. Голосокъ у нея чудесный, жаль, что некому было поучить ее игрѣ на фортепіано. Много знаетъ пѣсенокъ и премило поетъ. Онъ оттого-то и обратилъ ее изъ Кати въ Милю... такъ всегда и зоветъ.

Изъ этихъ пріятныхъ грезъ вывелъ Михайлова метеоръ въ видѣ упавшей звѣзды и далеко гдѣ-то исчезнувшій.

Вскорѣ небо стало блѣднѣть, значить — разсвѣтъ недалеко, а ко сну Михайлова не клонило, хотя ночная свѣжесть давала чувствовать себя сильнѣе. Въ пять часовъ утра онъ долженъ былъ отправиться съ колонною, наряженною въ прикрытіе фуражирамъ. Чтобы скоротать это время, онъ разбудилъ денщика и приказалъ поставить самоваръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

Воспоминанія А. Н. Витмера.

Когда читаешь, съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ, съ какою кропотливостью культурные люди Запада относятся къ именамъ, которыми потомство въ правѣ гордиться, до какихъ мелочей описаны городки и дома, на-примѣръ, Шекспира или Гёте, какъ упорно ищутъ свѣдѣній о дѣтствѣ и родителяхъ великихъ людей, и сравнишь это съ нашимъ равнодушіемъ къ памяти закатившихся свѣтилъ русскаго искусства, невольно начинаешь предаваться грустнымъ размышленіямъ.

Сколько туристовъ, не исключая и русскихъ, считаетъ своею обязанностью, побывавъ въ Англии, посетить родину и домъ Шекспира, а многіе ли были въ Михайловскомъ, еще меньше — въ Болдинѣ или на родинѣ Лермонтова?

Благодаря случаю сдѣлавшись владѣльцемъ дома, въ которомъ родился Николай Андреевичъ, и нѣсколько знакомый съ его дѣтствомъ и родителями, считаю своею обязанностью подѣлиться моими скромными на этотъ счетъ свѣдѣніями, въ надеждѣ, что эти свѣдѣнія, быть-можетъ, принесутъ пользу будущему біографу нашего славнаго композитора и тѣмъ лицамъ, которыя полюбопытствуютъ взглянуть на тотъ городъ, тотъ домъ, гдѣ онъ родился, комнату, въ которой жилъ ребенкомъ, рѣку, въ которой купался, садъ, гдѣ рѣзвился, послушать величественный звонъ колоколовъ древняго монастыря, впервые, быть-можетъ, вдохнувшій въ душу чуткаго мальчика потребность гармоніи и „звукъ сладкихъ и молитвъ“.

Городокъ, въ которомъ родился Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, — Тихвинъ, — по жизни совсѣмъ не отвѣчалъ своему скромному названію. Онъ стоялъ на Большомъ Ярославскомъ трактѣ, по которому непрерывно мчались тройки, мало уступающія по бойкости прославленнымъ тройкамъ Петербурго-Московского шоссе. Села на Ярославскомъ трактѣ были большія, дома двухъэтажные, съ обширными крытыми дворами. Крестьяне по тракту были сплошь ямщики и содержатели постоялыхъ дворовъ и жили очень за-

житочно. По этому тракту ѣздили, между прочимъ, все сѣльные въ Сибирь, и все, что ѣхало въ эту далекую и благодатную страну изъ Петербурга и обратно, останавливалось, конечно, въ Тихвинѣ.

Съ другой стороны, онъ былъ ключомъ Тихвинской водной системы, кратчайшей между Рыбинскомъ и Петербургомъ и до улучшенія Маринской системы служившей главной артеріей для движенія не только грузовъ, но даже пассажировъ на особыхъ пассажирскихъ лодкахъ. Движеніе на этихъ лодкахъ было, правда, „нѣсколько“ медленнѣе, чѣмъ сейчасъ: сейчасъ васъ везетъ желѣзная

Домъ, въ которомъ родился Н. А. Римскій-Корсаковъ (въ г. Тихвинѣ, на берегу р. Тихвинки).

дорога въ 5½ часовъ, тогда какъ на пассажирской лодкѣ вы могли въ Петербургъ, внизъ по теченію, доплыть въ 6, рѣдко въ 5 сутокъ, а обратно, вверхъ — не менѣе недѣли.

И тѣмъ не менѣе тогдашніе, никуда не спѣшившіе, люди часто предпочитали этотъ способъ передвиженія, въ высшей степени покойный и даже не лишенный поэзіи, ѣздѣ по ужаснымъ лѣтнимъ дорогамъ, которыя также требовали около трехъ сутокъ, хотя разстояніе до Петербурга черезъ Ладогу не превышала лѣтомъ 270 верстъ, а Николаевская желѣзная дорога еще только предполагалась къ постройкѣ.

Самъ я ребенкомъ ѣзжалъ на пассажирской лодкѣ и до сихъ поръ помню милое препровожденіе времени, когда лодка идетъ по рѣкѣ, а самъ бѣжишь по берегу, собирая цвѣты, ягоды и грибы.

Но эта тихая ѣзда на лодкахъ дѣлала Тихвинъ городомъ совсѣмъ не тихимъ. Жили тамъ, напротивъ, бойкой, широкой жизнью. Строились лодки, нагружались и перегружались суда, торговали въ постоялыхъ дворахъ и лавкахъ. Все жители имѣли крупныя заработки, жили бойко, весело, нарядно, и у всякаго почти мѣщанина была рѣзвая лошадка-шведка, которыми тихвинцы щеголяли и въ праздники ѣздили наперегонку по главнымъ улицамъ города.

Пьянство, впрочемъ, было не въ особенномъ фаворѣ, и тихвинцы занимались преимущественно чаемъ, котораго выпивали неимо-

вѣрное количество, за что получили отъ бойкихъ новгородцевъ прозваніе „водохлебовъ“.

Еще болѣе бойкой жизнью жили, конечно, помѣщики. Судоходныя и красивыя рѣки Тихвинка и Сязь, при близкомъ ихъ разстояніи отъ Петербурга, послужили къ водворенію на нихъ цѣлаго ряда дворянскихъ гнѣздъ старинныхъ фамилій, гордившихся записью своей въ 6 книгъ древнихъ дворянскихъ родовъ. И если въ 120 верстахъ отъ Петербурга рѣшили поселиться въ Грузинѣ такой тузь, какъ Аракчеевъ, то по берегамъ Сязи и Тихвинки, въ 200—270 верстахъ отъ столицы, издавна поселились Апрѣлевы, Кобылины, Барановы, Шамшевы, Унковскіе, Путятины.

Все это жило широко, открыто, и еще въ началѣ 60-хъ годовъ, въ концѣ крѣпостного права и въ началѣ выдачи выкупныхъ свидѣтельствъ, шампанское лилось въ Тихвинѣ рѣкою. И я действительно не помню мѣста, гдѣ бы выпивалось такое множество этого хорошаго вина. Даже въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, гдѣ я служилъ, его пили менѣе, хотя занимались этимъ дѣломъ вполне достаточно.

Проведеніе Николаевской желѣзной дороги имѣло слѣдствіемъ запустѣніа Большого Ярославскаго тракта, соединявшаго, какъ сказано, Петербургъ съ Сибирью, а за прогрессивнымъ улучшеніемъ Марининской системы Тихвинская гала окончательна и стала служить лишь для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Мѣщане, лишась заработковъ, обѣднѣли; обѣднѣли и купцы. Къ тому же времени и дворянство скушало свои выкупныя свидѣтельства, начало распродавать лѣса и бѣжать изъ усадебъ съ ихъ великолѣпными кленами, липами и дубами. И усадьбы, и липы, и клены, и столѣтніе дубы, попавъ въ руки кушцовъ-лѣсопромышленниковъ, были безжалостно уничтожены.

Все затихло: затихли красивые берега Сязи и Тихвинки; затихли сонныя воды этихъ симпатичныхъ рѣкъ; затихъ и спитъ донинѣ самый городокъ.

Но въ годы рожденія и дѣтства Николая Андреевича Тихвинѣ былъ именно такимъ, какимъ я его описалъ: живымъ, бойкимъ, дѣятельнымъ городомъ.

Я забылъ упомянуть, что Тихвинѣ былъ также мѣстомъ паломничества для всего сѣвера Россіи — пунктомъ, куда стекались массы народа, купечества и даже столичнаго дворянства на поклоненіе чудотворной иконѣ „Тихвинской Божіей Матери“.

Икона эта находится въ Тихвинскомъ первоклассномъ монастырѣ, прославившемъ себя успешной обороной противъ упорной осады шведовъ передъ Столбовскимъ миромъ (1618 г.). Монастырь соприкасается непосредственно съ городомъ, занимая огромную площадь въ его восточной части. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Тихвинки, окруженъ старинной каменной стѣной сажени въ три высоты и низменнымъ лугомъ впереди этой стѣны прикасается къ главной городской улицѣ — „Богородицкой“, тихвинскому Невскому проспекту.

По другую сторону рѣки, противъ самага монастыря или, вѣрнѣе — противъ монастырскаго луга, на возвышенномъ песчаномъ берегу стоитъ домъ, въ которомъ родился Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ. Впереди его — рѣка и красивый видъ на лугъ и монастырь, влѣво — такъ называемая полковая церковь, позади — садъ, а за нимъ — поля, опять поля и далѣе лѣсъ, который еще недавно можно было назвать дремучимъ. И только съ правой стороны стоитъ рядъ домовъ по берегу рѣки.

И вотъ сосѣдній домъ много лѣтъ нанимали тетка и моя матушка, бывшія, какъ близкіе сосѣди, особенно тетка и кухни (матушка для воспитанія своихъ сыновей жила по зимамъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ уѣзжала въ усадьбу), частыми гостями семейства Римскихъ-Корсаковыхъ.

Семья эта однако была не природные тихвинцы. Она переѣхала туда въ 30-хъ годахъ, чуть ли не послѣ польскаго возстанія 1831 года. Въ Тихвинѣ говорили по крайней мѣрѣ, что старикъ Андрей Николаевичъ или Васильевичъ — хорошо не помню — Римскій-Корсаковъ былъ губернаторомъ на Волыни или въ Подоліи и за „поблажку“ полякамъ потерялъ служебное крушеніе, послѣ чего, едва ли не лишенный права жить въ Петербургѣ, поселился въ близкомъ къ нему городкѣ, въ которомъ и жилъ безвыѣздно.

Это былъ невысокаго роста, пожалуй, не красивый, всегда чисто одѣтый, съ прекрасными манерами, всегда вѣжливый господинъ, котораго всѣ признавали за человѣка высокообразованнаго, очень умнаго и по тому времени — либеральнаго.

Онъ избѣгалъ близкаго общенія съ мѣстными дворянами, жилъ скромно и велъ дружбу только съ казначеемъ Александромъ Максимовичемъ Горностаевымъ, однимъ изъ членовъ тогдашней художественной семьи, — человѣкомъ, безспорно очень умнымъ и образованнымъ, котораго тихвинцы съ гордостью (какъ природнаго тихвинца) ставили въ этомъ отношеніи даже выше Андрея Николаевича.

Самого Андрея Николаевича я помню, впрочемъ, довольно мало, во-первыхъ, потому, что онъ не всегда выходилъ къ гостямъ, особенно къ намъ — дѣтямъ, и, во-вторыхъ, умеръ довольно рано. Слабо помню также и маленькаго Нику.

Но зато образъ матери его, Софьи Васильевны, такъ и стоитъ предо мною. Это была въ полномъ смыслѣ слова красавица, которая оставалась такою, несмотря на сѣдые волосы, до 60-ти лѣтъ. Притомъ это была женщина несомнѣнно очень умная, образованная, воспитанная, тактичная — настоящая покорительница сердецъ

отъ мала до велика. Она владѣла тайной очаровывать даже дамъ, и я хорошо помню отзывы о ней моей матушки и тетки, съ гордостью разсказывавшихъ, между прочимъ, о томъ, какъ пріѣхалъ по какому-то случаю въ Тихвинъ флигель-адъютантъ Государя, красавецъ Реадъ, влюбился по уши въ Софью Васильевну, но за цѣлый мѣсяць самага настойчиваго ухаживанья ничего не добился и „такъ съ носомъ и отѣхалъ“.

Это былъ тотъ самый блестящій любимецъ Николая Павловича — Реадъ, котораго Государь послалъ изъ Петербурга руководить боемъ на Черной рѣчкѣ (4 августа 1855 г.), благодаря которому бой былъ проигранъ, который самъ палъ въ этомъ сраженіи, и про котораго извѣстная солдатская пѣсня Льва Николаевича Толстого говорить:

«Туды умнаго не надо,
Ты пошли туда Реада».

Своимъ музыкальнымъ развитіемъ, помимо природной даровитости, Николай Андреевичъ несомнѣнно былъ обязанъ матери своей, Софьѣ Васильевнѣ.

Она сама была прекрасной музыкантшей и первой учительницей своего сына. И маленькій Ника десяти лѣтъ игралъ уже такъ, что кузина моя, также хорошая музыкантша, ходившая часто къ Софьѣ Васильевнѣ играть въ четыре руки, возвращаясь отъ нея, почти постоянно съ восторгомъ говорила объ игрѣ „маленькаго Ники“.

Велико поэтому было мое удивленіе, когда я лѣтъ тридцать спустя, встрѣтясь съ Николаемъ Андреевичемъ въ Ялтѣ, послѣ игры Блюменфельда, тогда еще 16-лѣтняго юноши, попросилъ сыграть что-нибудь самага Николая Андреевича и услышалъ въ отвѣтъ, что „я вѣдь совсѣмъ не играю“. Композиторъ поглотилъ въ немъ виртуоза.

Софья Васильевна была также, повидимому, женщиной огромнаго характера и выдержки.

Такъ, на примѣръ, Николай Андреевичъ въ дѣтствѣ страшно заикался, и Софья Васильевна, чтобы отучить его отъ этой неприятной привычки, заставляла говорить не иначе, какъ на распѣвъ.

Это, разумѣется, подавало поводъ къ изощренію дешеваго остроумія надъ тѣмъ, что Ника не говоритъ, а поетъ; и настойчиво добиваться этой пѣвучести рѣчи для матери, конечно, было не легко; но результатъ зато получился тотъ, что тому, кто не зналъ Николая Андреевича въ дѣтствѣ, не могло и въ голову прійти, что это — бывший упорный заика.

Вотъ все, чтѣ я могу припомнить о родителяхъ и дѣтствѣ нашего знаменитаго композитора.

Считаю далеко не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и даже сдѣлать описаніе дома, въ которомъ онъ родился.

Домъ этотъ стоитъ на саомомъ лучшемъ мѣстѣ Тихвина: рядомъ съ нимъ самый центръ города, а между тѣмъ за нимъ идутъ уже поля. Самъ онъ окруженъ тѣнистымъ и довольно большимъ садомъ; передъ нимъ широкій красивый видъ на рѣку, на монастырь и на просторъ зеленаго луга. Вся усадьба расположена на высококомъ песчаномъ берегу и никогда „не понимается“ водой, подъ которой весною плаваютъ иногда половина Тихвина.

Домъ построенъ притомъ не на мѣщанскій или купеческій ладъ саимъ отцомъ Николая Андреевича и хотя не представляетъ собою большихъ палатъ, но все же можетъ быть названъ „барскимъ домомъ“, — барина небогатаго, но все же барина. Такъ его, этотъ домъ, одноэтажный, съ достаточно высокими потолками и просторными комнатами, и называли въ Тихвинѣ — „барскимъ“.

У Николая Андреевича былъ братъ, гораздо старше его, Воинъ Андреевичъ, пользовавшійся между моряками крупной репутацией, бывший директоромъ Морского корпуса, человѣкъ очень умный и образованный, дѣлавшій крупную карьеру и умершій къ общему сожалѣнію слишкомъ рано.

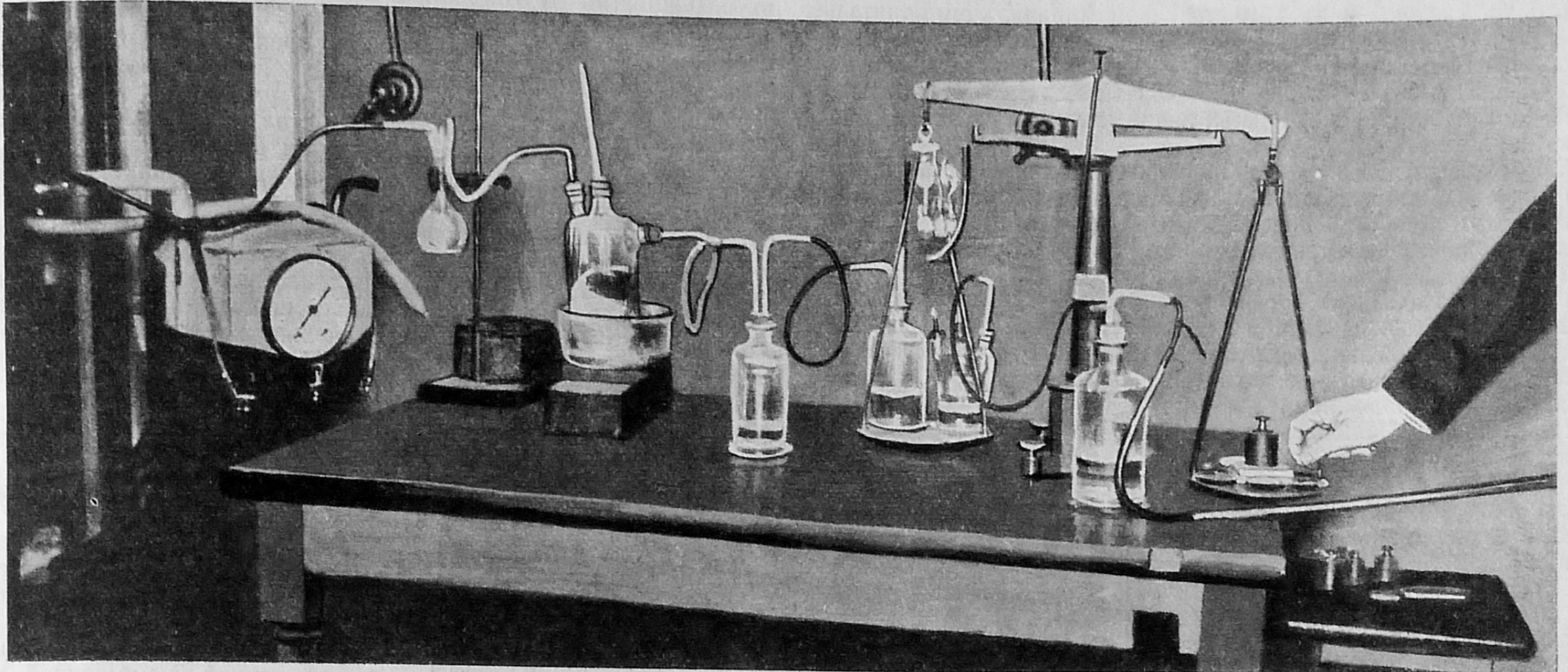
Когда Ника поступилъ въ Морской корпусъ, а отецъ его скончался, то и Софья Васильевна переѣхала въ Петербургъ, сколько помню, къ старшему своему сыну, уже офицеру.

Заброшенный домъ пришелъ въ запустѣніе, и матушка моя (рожденная Баранова), имѣвшая большое родовое имѣніе въ 20 верстахъ отъ Тихвина, но по зимамъ жившая въ городѣ, просила меня купить домъ Корсаковыхъ, благодаря своему мѣстоположенію составлявшій давнюю мечту ея. Домъ оказался собственностью наслѣдниковъ рано умершаго Воина Андреевича, но распоряжались имъ Софья Васильевна и Николай Андреевичъ.

Цѣну установили въ два слова, но пришлось продавать при посредствѣ Дворянской опеки и при томъ, на основаніи разрѣшенія Сената, съ публичнаго торга.

Благодаря этому счастливому обстоятельству, въ имѣющей у меня купчей крѣпости сохранилась опись дома, въ которомъ родился Николай Андреевичъ, составленная 23 мая 1872 года, представляющая несомнѣнно, въ моихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, очень большую цѣнность, ибо опись произведена въ то время, когда Николаю Андреевичу едва минуло 30 лѣтъ... Вотъ подлинная выпись изъ имѣющей у меня купчей, съ сохраненіемъ ея орографіи:

„Домъ этотъ проданъ Тихвинскою Дворянскою Опекою, по постановленію ея и на основаніи разрѣшенія Правительствующаго Сената, въ видахъ пользы наслѣдникамъ умершаго Дѣйстви-

Определение энергии, расходуемой организмом морской свинки во время покоя. Морская свинка помещена в специальную стеклянную камеру, при чем может быть вычислено количество выдѣлившейся при дыханіи углекислоты и потребленного кислорода.

тельного Статскаго Совѣтника Воина Андреевича Римскаго-Корсакова. Продажа сего дома произведена по описи составленной 23 мая 1872 г. Членомъ дворянской Опеки Г. Апрѣлевымъ, изъ коей видно: 1) Домъ одноэтажный съ мезониномъ на каменномъ фундаментѣ, крытый желѣзомъ, по лицевой сторонѣ семь оконъ, къ нему пристройка на томъ же каменномъ фундаментѣ, крытая тесомъ о четырехъ окнахъ, всѣ вообще окна съ деревянными ставнями изъ которыхъ пять сломаны, въ рамахъ многія стекла выбиты, длина дома и пристройка по лицевой сторонѣ Богоявленской улицы одиннадцать съ половиною сажень, въ ширину шесть сажень, въ домѣ и пристройкѣ двѣнадцать жилыхъ комнатъ, изъ нихъ нѣкоторыя щекотурены, одна кладовая, печей двѣ желѣзныхъ, двѣ кафельныхъ и три кирпичныхъ, по задней стѣнѣ шесть оконъ съ рамами двухординарными ветхими, девятнадцать дверей, изъ коихъ четыре ординарныхъ, а остальные распашныя,

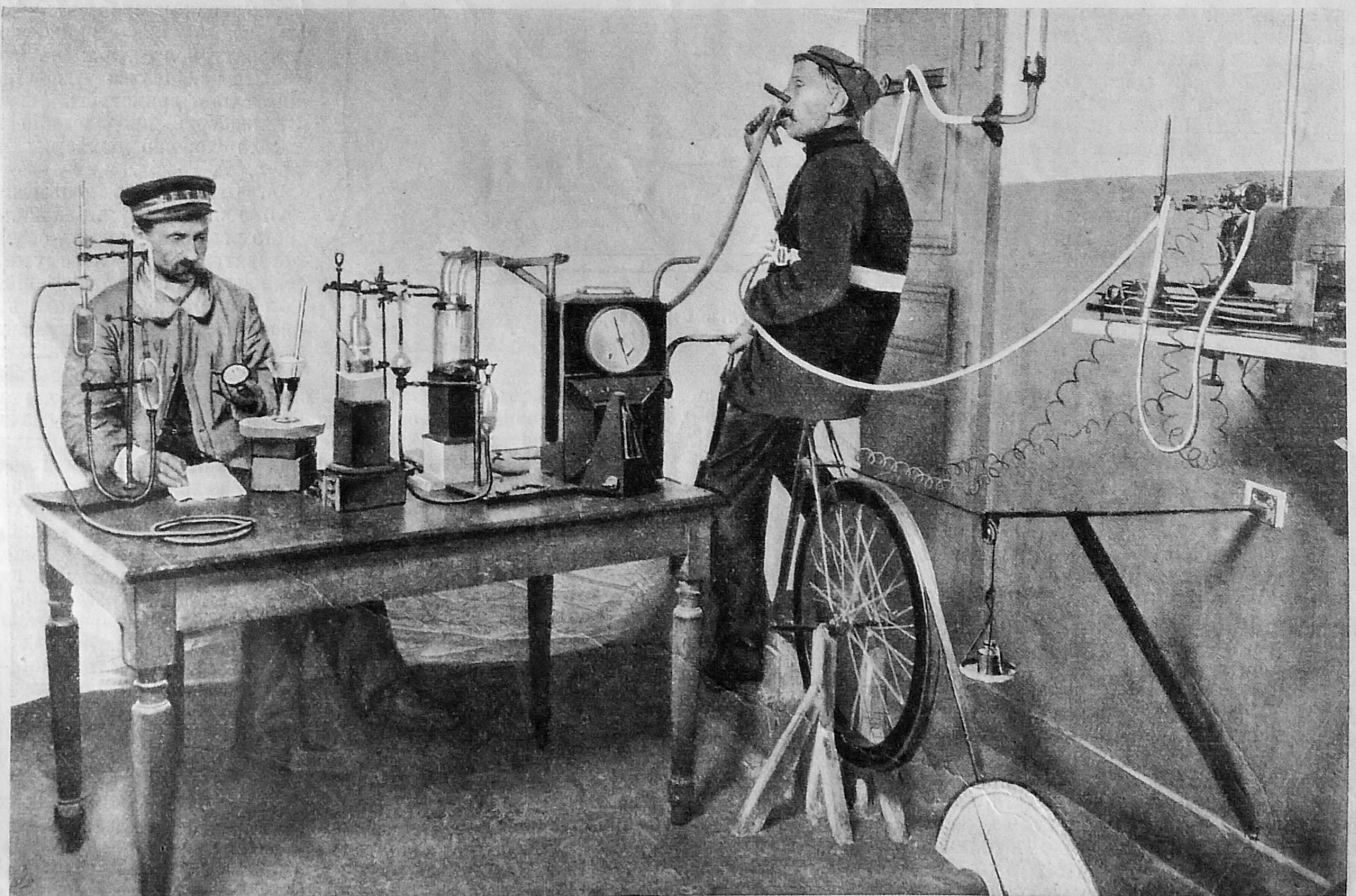
въ мезонинѣ двѣ комнаты, въ каждой по окну съ ординарной рамой, одна изъ нихъ сломана и безъ стеколъ, три двери, одна распашная стеклянная на балконъ со сломанной стеклянной рамой, въ печахъ верхнихъ крышекъ нѣтъ“...

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе: флигеля, погреба, конюшни, сарая для дровъ, „старой развалившейся постройки“, бани, сада и огорода, представляющее мало интереса.

Въ этой описи фантазія ея составителя произвела Воина Андреевича Римскаго-Корсакова, старшаго брата Николая Андреевича, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, тогда какъ онъ былъ адмираломъ, и адмираломъ очень извѣстнымъ не одному только флоту.

Купивъ домъ, матушка постоянно жила въ немъ по зимамъ. Въ немъ и скончалась.

Домъ, поправленный и отдѣланный матушкой, сталъ вновь при

Определение энергии, расходуемой человекомъ при ѣздѣ на велосипедѣ, путемъ вычисленія количества потребленного кислорода и выдѣленной углекислоты.

ходить въ упадокъ, и въ 1910 году я предпринялъ его капитальный ремонтъ, при чемъ старался по возможности оставить домъ въ томъ видѣ, въ какомъ застало его рожденіе Николая Андреевича.

Домъ, какъ видно изъ описи, состоялъ изъ двухъ частей: основного дома и пристройки, крытой иначе, чѣмъ домъ—тесомъ, тогда какъ домъ крытъ былъ желѣзомъ.

Хотя подвести домъ съ пристройкой подъ общую крышу, какъ это видно изъ фотографіи, не составляло никакихъ затрудненій и придало бы ему болѣе красивый видъ, но я на это не рѣшился и даже покрытіе пристройки оставилъ толевое, замѣнившее белой теесъ, тогда какъ основной домъ крытъ желѣзомъ. Пристройка эта существовала, какъ я себя помню, болѣе шестидесяти лѣтъ и, вѣроятно, была сдѣлана вслѣдствіе появленія на свѣтъ маленькаго Ники, родившагося лѣтъ пятнадцать спустя послѣ старшаго брата, бывшаго уже кадетомъ Морского корпуса. Съ неожиданнымъ появленіемъ новаго человѣка пришлось поневолѣ нѣсколько расширить помещеніе.

Обшивка дома устарѣла, пришлось ее перемѣнить, и здѣсь я позволилъ себѣ обшить домъ не гладкими досками, какъ это было, а, со стороны улицы, покрасивѣе: съ „калевкой“, такъ называемой — „въ рустикъ“, но наличники на окнахъ, къ счастью, хорошо сохранившіеся, оставилъ совершенно тѣ же, точно также мезонинъ оставилъ совсѣмъ такимъ, какъ онъ былъ.

Внутри не сдѣлано рѣшительно никакихъ измѣненій.

Надворныя постройки были нѣсколько разъ перестраиваемы еще матушкой и, конечно, не сохранили того вида, въ которомъ ихъ застало дѣтство нашего композитора.

Очень интересно было бы указать комнату, гдѣ родился композиторъ, и другую, которая служила ему въ дѣтствѣ.

Первою, вѣроятно, была та, въ которую ведетъ дверь изъ передней налѣво. Она служила впоследствии спальней для моей матушки, въ ней она умерла и, сколько помню, говорила, что въ этой же комнатѣ спала и Софья Васильевна; здѣсь, вѣроятно, и родился Ника. Чтò же касается дѣтской Ники, то почти навѣрное она помѣщалась въ мезонинѣ. Это личное мое воспоминаніе отвѣчаетъ и привычкѣ дворянъ первой половины прошлаго столѣтія устраивать дѣтскія въ мезонинахъ.

Вотъ все, чтò считаю нужнымъ сказать для тѣхъ путешественниковъ, которые поинтересуются взглянуть на скромный домъ, гдѣ родился крупный представитель русскаго музыкальнаго творчества; взглянуть на монастырь, о который разбила триста лѣтъ тому назадъ непобѣдимая тогда шведская сила; походить по монастырской крѣпостной стѣнѣ; послушать музыкальный звонъ его колоколовъ; помолиться подъ сводами собора, каждая архитектурная линія, каждая икона котораго говорить о свѣдой старинѣ, о красотѣ, связанной со стариной.

Вѣдь все это находится отъ Петербурга въ пяти лишь часахъ удобной ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Опредѣленіе энергіи, расходуемой механизмомъ человѣка.

(Съ 2 рис. на стр. 419).

Для того, чтобы опредѣлить, сколько требуется энергіи человѣку, совершающему какую бы то ни было физическую работу, для того, чтобы точно измѣрить и вычислить количество требующейся при работѣ энергіи, необходимы довольно сложные приспособленія, какъ это можно видѣть на рис. 1 и 2. Интересные опыты, поставленные съ этой цѣлью, даютъ цѣнные результаты, указывая на особенности, которыя отличаютъ работу механизма человѣка отъ работы какой бы то ни было другой машины въ отношеніи распредѣленія расходуемой энергіи. Такъ, напр., какъ только механизмъ человѣка начинаетъ свою работу, сейчасъ же расходуется кислородъ въ большихъ количествахъ, чѣмъ это необходимо въ дѣйствительности. Эта особенность не наблюдается

въ большинствѣ другихъ механизмовъ, если они приходятъ въ движеніе. Количество энергіи, расходуемой человѣкомъ, достигаетъ наибольшей величины въ моментъ прекращенія работы, если продолжительность работы не превышаетъ промежутка времени болѣе, чѣмъ въ полчаса. Очевидно, что работа при такихъ условіяхъ предъявляетъ скорыя требованія на расходование большаго количества энергіи, чѣмъ всякая другая работа.

Первый рисунокъ даетъ понятіе о приспособленіяхъ для вычисления суммы энергіи, расходуемой организмомъ морской свинки во время покоя. Морская свинка помѣщается для этого въ специальную стеклянную камеру, изъ которой во все время опыта удаляется выдѣляемая при дыханіи животнаго углекислота, и доставляется въ должныхъ количествахъ необходимый для дыханія кислородъ. На второй фотографіи можно видѣть сложные приспособленія для опредѣленія энергіи, расходуемой человѣкомъ при работѣ, которую совершаетъ организмъ въ то время, когда человѣкъ ѣдетъ на велосипедѣ.

При этомъ опредѣляется количество кислорода, необходимое для этой специальной работы. Постановка опыта и приспособленіе для анализа и учета газовъ, потребныхъ для работъ, принадлежатъ М. Jules Amar'y.

Если въ первомъ опытѣ морской свинкѣ, помѣщенной въ стеклянную камеру, приходится испытывать нѣкоторыя неудобства, то въ этомъ отношеніи нельзя позавидовать и субъекту, надъ которымъ производится экспериментъ во второмъ случаѣ. Достаточно только надѣть особый зажимъ, который плотно защемляетъ носъ, для того, чтобы испытуемый субъектъ дышалъ только черезъ ротъ, и такимъ образомъ весь вдыхаемый и выдыхаемый воздухъ проходилъ бы чрезъ аппаратъ.

Августъ Стриндбергъ.

(Портр. на этой стр.).

Шведская національная литература понесла тяжкую утрату, которая отозвалась также и на всемъ общеевропейскомъ литературномъ мірѣ: въ Стокгольмѣ скончался извѣстный писатель и драматургъ Августъ Стриндбергъ, произведенія котораго хорошо извѣстны и у насъ, въ Россіи.

А. Стриндбергъ пользовался долгое время репутаціей настоящаго революціонера въ области литературы. Онъ выступилъ впервые съ произведеніями, которыя рѣзко расходились по своей идеѣ съ господствующимъ въ буржуазныхъ кругахъ настроеніемъ: Стриндбергъ былъ проповѣдникомъ крайнихъ взглядовъ на семью, бракъ, такъ называемое „общественное положеніе“ и т. п. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности онъ заявилъ себя рѣзкимъ противникомъ женской эмансипаціи, которая все болѣе и болѣе воцарялась въ Скандинавіи. Яростный женофобъ, видѣвшій въ женщинѣ какъ бы нѣкое исчадіе ада, властвующее надъ духомъ и плотью человѣка,—Стриндбергъ считалъ женскую эмансипацію страшнымъ зломъ, которое должно повести еще къ большему могуществу женщины и къ окончательному торжеству ея злой воли. Такимъ же яростнымъ идеологомъ крайнихъ взглядовъ, не совпадающихъ съ взглядами большинства, Стриндбергъ являлся и въ вопросахъ соціологическихъ, а также и религіозныхъ, и его крайности одно время навлекли на него преслѣдованія со стороны общества и правительства, такъ что онъ принужденъ былъ на время покинуть родину.

Но было въ произведеніяхъ этого писателя-революціонера нѣчто, чтò заставляло относиться къ нимъ съ громаднымъ интересомъ и уваженіемъ, несмотря на всѣ идеологическія странности и угловатости Стриндберга. И это нѣчто были—крупный талантъ художника, пылкая вдохновенность его слова и рѣдкая наблюдательность. Даже въ наиболѣе „революціонныхъ“ произведеніяхъ Стриндберга встрѣчаются сцены и описанія замѣчательно реальныя и живыя, поражающія художественной правдой изображенія. Таковы, напримѣръ, его драмы „Отецъ“ (шла на русскіхъ сценахъ), „Дѣвица Юлія“, „Займодавы“ и др. На ряду съ этими трезвыми и реальными произведеніями мы встрѣчаемъ у швед-

Августъ Стриндбергъ
(1849—1912).

скаго романиста повѣствованія, похожія на какой-то бредъ, въ которомъ совершенно отсутствуетъ объективная житейская правда. Такова, на примѣръ, его „Исповѣдь безумца“, въ которой много автобіографическихъ чертъ и еще болѣе кошмарныхъ видѣній. Но и въ этомъ (и иныхъ ему подобныхъ) произведеніи Стриндберга такъ велика сила творческаго внушенія, что даже фантастически-ложный образъ женщины-дьявола представляется художественно-правдивымъ.

Богатая фантазія, разнообразіе творческихъ приѣмовъ и воплощеній, блестящій языкъ и рѣдкое умѣнье заворочить читателя нарастающимъ интересомъ фабулы обезпечили шведскому писателю почти всеобщую извѣстность. Извѣстность эта нарастала въ его жизни съ такою же логической и, можно сказать, художественной послѣдовательностью, какъ и нарастаніе интереса въ его фабулахъ, да и самая жизнь его во многихъ отношеніяхъ походитъ на занимательный романъ. Недаромъ Стриндбергъ даже использовалъ происшествія и впечатлѣнія своей личной жизни въ четырехъ своихъ произведеніяхъ: „Сынъ служанки“, „Исповѣдь безумца“, „Адъ“ и „Одинокій“.

Онъ родился въ Стокгольмѣ въ 1849 году, въ небогатой семьѣ мѣстнаго торговца. Въ молодости Стриндбергъ испыталъ нужду и даже голодъ. Нужда преслѣдовала его и потомъ, и изъ за нея ему не удалось окончить университетскій курсъ въ Упсалѣ. Бросивъ университетъ, онъ поступилъ въ сельскіе учителя въ провинцію, а позднѣе занимался практически медициной у одного покровительствовавшего ему врача. Затѣмъ одно время Стриндбергъ былъ актеромъ въ небольшой труппѣ, но ушелъ оттуда, такъ какъ ему не пришлось по душѣ это занятіе. Наконецъ имъ овладѣла страсть къ литературѣ и вскорѣ поплотила его совѣсть.

Стриндбергъ началъ съ небольшой комедіи. Затѣмъ онъ писалъ стихи, новеллы, романы. Крупную извѣстность ему доставили „Очерки изъ брачной жизни“, въ которыхъ впервые проявилось его отрицательное отношеніе къ женщинѣ и женскому вопросу. Еще болѣе извѣстность онъ приобрѣлъ своими историческими трагедіями изъ шведской старины: „Мейстеръ Олофъ“, „Ваза“, „Маргитъ, жена кавалера Бенгета“ и др. Нѣкоторыя изъ его произведеній, въ особенности тѣ, которыя носили характеръ рѣзкой сатиры на современное общество, повлекли для Стриндберга тѣ преслѣдованія, о которыхъ мы говорили.

Даже и въ болѣе поздніе годы—въ эпоху всеобщаго признанія—Стриндбергъ не нашелъ „тихой пристани“. Этотъ „революціонеръ духа“ вѣчно бросался въ своеобразныя крайности. Такъ, уже будучи женатымъ человѣкомъ и признаннымъ литераторомъ, онъ не задумался на время бросить и литературный трудъ и семью для какихъ-то химическихъ опытовъ и занятій.

Изъ другихъ произведеній Стриндберга, кромѣ вышеперечисленныхъ, слѣдуетъ упомянуть его романы „Аксель Боргъ“ и „Чандала“, въ которыхъ отражается ученіе Ницше о сверхчеловѣкѣ. Затѣмъ можно отмѣтить его „Легенды“, романъ „Красная комната“ и „Путь въ Дамаскъ“, — полумистическое произведеніе, въ которомъ Стриндбергъ обращается въ сторону христіанства и смиренія и отрицаетъ гордыню духа.

Послѣдній годъ Стриндбергъ провелъ въ борьбѣ съ начавшейся тяжкой болѣзью. Медленно сходилъ въ могилу этотъ великанъ духа, все еще не разрывая связи съ литературными интересами и дѣ-

лами. Въ этомъ году въ Швеціи впервые идетъ крупная историческая трагедія Стриндберга: „Густавъ Адольфъ“. Въ заботахъ о постановкѣ этой пьесы протекли послѣдніе дни Стриндберга. Окруженный своими дѣтьми, которыхъ страстно любилъ, терзаемый неслезанными мученіями (у него былъ ракъ желудка), Стриндбергъ сошелъ въ могилу, какъ истинный герой духа, безъ ужаса предъ неизбѣжнымъ концомъ.

Это былъ несомнѣнно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ людей нашего времени и какъ человѣкъ и какъ писатель,— одинъ изъ тѣхъ „сверхчеловѣковъ“, которыми онъ увлекался въ своихъ произведеніяхъ и увлекалъ читателя...

Памятникъ Н. А. Римскому-Корсакову.

(Рис. на этой стр.).

9 мая с. г. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ присутствіи много-

численной публики состоялось открытіе памятника знаменитому композитору Н. А. Римскому-Корсакову на его могилѣ.

Памятникъ сооруженъ по эскизу художника Н. К. Рериха и представляетъ собою вершину кургана съ громаднымъ крестомъ надъ нею. Такіе кресты ставились въ древне-новгородскихъ церквяхъ и кладбищахъ. Въ центрѣ креста помѣщена барельефная икона Христа Спасителя. По бокамъ — иконы, изображающія Божію Матерь и Николая Чудотворца.

Памятникъ высѣченъ изъ свѣтло-сѣраго мрамора и производитъ хорошее впечатлѣніе своей своеобразной красотой и стилистичностью. Авторъ „Садко“, „Парской невѣсты“, „Сказанія о Китежѣ“, — этихъ строго-стильныхъ произведеній въ древнерусскомъ духѣ, заслуживаетъ и соответствующаго по стилю памятника. Надъ его бранными останками теперь возвышается — хотя и въ маломъ видѣ — такой же курганъ, какой въ старину насыпали надъ прахомъ богатырей. Богатырь музыкальной мысли, великанъ русскаго искусства какъ бы осянень той стариной, которую онъ воплощалъ въ своихъ произведеніяхъ.

На освященіи памятника присутствовали

представители С.-Петербургской Консерваторіи, директоромъ которой при жизни состоялъ покойный композиторъ, его супруга Н. Н. Римская-Корсакова съ дѣтьми и много почитателей его таланта.

П. В. Засодимскій. (Портр. на стр. 422).

3 мая с. г. въ Опеченскомъ посадѣ (Новгородской губерніи) скончался извѣстный писатель Павелъ Владиміровичъ Засодимскій. Покойный принадлежалъ къ такъ называемымъ „народникамъ“ въ нашей изящной литературѣ; онъ былъ типичнымъ представителемъ этого своеобразнаго направленія въ русской беллетристикѣ, созданнаго Левитовымъ, Наумовымъ, Н. Успенскимъ и въ болѣе позднее время Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ.

П. В. Засодимскій и недавно скончавшійся Н. Н. Златовратскій были послѣдними народниками, и притомъ не самыми сильными въ смыслѣ своего таланта. Но какъ у Златовратскаго, такъ, пожалуй, еще въ большей степени и у Засодимскаго нѣкоторая блѣдность и схематичность образовъ и изображеній съ избыткомъ искупались громадной искренностью и теплой лю-

Надгробный памятникъ Н. А. Римскому-Корсакову на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, освященный 9 мая с. г. По фот. І. Оцуца.

бовью къ тому идеалу, во имя котораго они создавали свои произведения.

П. В. Засодимскій былъ идеалистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ не только вѣрилъ въ идеалы добра и справедливости, но и любилъ олицетворять ихъ въ герояхъ своихъ произведений, при чемъ главнымъ идеальнымъ героемъ у него является простой народъ—народъ-богоносецъ, выразитель правды и добра. Въ противоположность положительнымъ типамъ крестьянскаго простонародья, смиреннаго и угнетаемаго, П. В. Засодимскій любилъ изображать типы рѣзко отрицательные—представителей деревенскаго міроѣдства и кулачества и дворянской интеллигенціи, эксплуатирующей крестьянскую темную массу. Это противопоставленіе свѣтлыхъ тоновъ исключительно темнымъ, безъ середины между ними, служило постояннымъ поводомъ нападокъ критики на Засодимскаго за его „тенденціозность“. Упрекали его и за то, что онъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ „поучаетъ“ читателя разнымъ общепользымымъ дѣламъ. Напримѣръ, въ лучшемъ романѣ Засодимскаго, „Хроника села Смурина“, рѣчь идетъ о томъ, какъ устраивать ссудное товарищество, общественную лавку и т. п. Этотъ своеобразный практическій дидактизмъ дѣйствительно встрѣчается довольно часто у покойнаго писателя, но нужно замѣтить, что читатель Засодимскаго—тотъ сельскій и простодушный читатель, для котораго преимущественно и писалъ Засодимскій—отнюдь не отвергалъ ни тенденціозности ни дидактизма, но, наоборотъ, цѣнилъ и то и другое. У покойнаго писателя была своя аудитория—и немалая.

П. В. Засодимскій поставилъ своимъ писательскимъ девизомъ благородное стремленіе совершенствовать человѣчество, поучая его вразумительной и сердечной литературной проповѣдью. Онъ никогда не писалъ ни единой строчки безъ этой цѣли. И для многихъ и многихъ читателей онъ былъ дѣйствительно учителемъ жизни. Такимъ же учителемъ жизни и совершенствователемъ чело-вѣчества онъ былъ и въ своей личной жизни. П. В. Засодимскій былъ однимъ изъ немногихъ людей, которые отличаются прямолинейностью и единствомъ своихъ словъ и поступковъ. Какимъ онъ былъ въ литературѣ, такимъ былъ и въ средѣ окружающихъ людей, сердечный, благожелательный въ обращеніи, заступникъ сирыхъ и угнетаемыхъ, „неугасимая лампада передъ святынею добра“.

Это былъ „задушевный талантъ“ и задушевный писатель. Задушевность была типичной чертой Засодимскаго, какъ писателя и какъ чело-вѣка. Недаромъ одна изъ его лучшихъ книгъ, назначенная для юношества, называется: „Задушевные рассказы“. На этой прекрасной книгѣ воспитались уже цѣлыя поколѣнія подъ лучами свѣтлаго благожелательства и идеализма.

П. В. Засодимскій родился въ 1843 году въ Великомъ Устюгѣ. Окончивъ курсъ въ Вологодской гимназій, онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на юридическій факультетъ вольнослушателемъ. Недостатокъ средствъ заставилъ его однако покинуть университетъ и заняться екронной учительской дѣятельностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ заниматься литературой. Дебютировалъ онъ стихотвореніями, печатавшимися въ „Иллюстрированной Газетѣ“. Потомъ (въ 1868 г.) была напечатана въ журналѣ „Дѣло“ первая его повѣсть: „Грѣшница“, за которой послѣдовали новые повѣсти и рассказы: „А ей весело—она смѣется“, „Темныя силы“, „Хроника села Смурина“, „Кто во что гораздъ“, „Степныя тайны“, „По городамъ и весямъ“, „Грѣхъ“ и многія другія. Въ 1895 году вышло въ свѣтъ его „Полное собраніе сочиненій“ въ двухъ томахъ.

Крупное литературное имя покойный писатель составилъ себѣ вышеупомянутой „Хроникой села Смурина“. Но едва ли не большую извѣстность онъ приобрѣлъ своими произведениями, написанными для дѣтей и юношества. О „Задушевныхъ рассказахъ“ мы уже говорили. Такимъ же успѣхомъ пользовались и его „Бывальщины и сказки“, „Дѣдушкины рассказы и сказки“ и др.

8 мая с. г. состоялись похороны усопшаго писателя. Тысячная толпа простого народа провожала его къ могилѣ. Множество дѣтей, учителя, сельская интеллигенція шли за его гробомъ. Почти забытый въ широкихъ читательскихъ кругахъ, П. В. Засодимскій былъ любимъ и почитаемъ тамъ—въ народной массѣ, для которой онъ жилъ и работалъ всю свою долгую и согрѣтую любовью къ чело-вѣчеству жизнь...

Институтъ исторіи искусствъ въ С.-Петербургѣ.

(Съ портр. и рис. на стр. 423).

Петербургъ обогатился еще однимъ новымъ ученымъ учрежденіемъ: по инициативѣ графа В. П. Зубова, въ Петербургѣ организованъ „Институтъ исторіи искусствъ“,— учреждение, ставящее

своей задачей и цѣлью стать „центромъ для изученія исторіи искусствъ въ точномъ значеніи этого понятія“.

Какъ это ни странно, но до сихъ поръ изученіе исторіи искусствъ у насъ разсматривалось не какъ самостоятельная наука, но лишь какъ вспомогательное средство при изученіи археологій. Знатоки исторіи искусствъ преимущественно встрѣчаются именно въ области классической археологій, и художественная часть исторіи искусствъ при этомъ обыкновенно приносится въ жертву части исторической.

Не мало знатоковъ въ области исторіи искусствъ встрѣчается у насъ также и среди любителей русской старины. Ими съ большой любовью изслѣдуется—и уже достаточно обстоятельно изслѣдовано—старинное русское и родственное ему—византійское искусство. Но эти изслѣдованія основываются не столько на художественно-историческомъ пониманіи старинныхъ произведеній искусства, сколько на общей любви къ національной старинѣ. Науки здѣсь мало, хотя и накоплено для нея много матеріала, т.-е. со-ответствующихъ знаній.

Что же касается художественной жизни Запада, то у насъ даже не приходится говорить о какомъ-либо цѣлостномъ и систематическомъ изслѣдованіи ея. У насъ, правда, встрѣчаются отдѣльные знатоки той или иной эпохи въ исторіи западнаго искусства, встрѣчаются художники и писатели, сумѣвшие удивительно проникнуть въ духъ какой-либо эпохи или художественной школы, но все-таки отъ этихъ единичныхъ начинаній еще очень далеко до настоящей науки—серьезной науки объ искусствѣ, созданной на Западѣ трудами такихъ ученыхъ, какъ Любке, Винкельманъ, Буркгардтъ и другіе.

Задачей возникшаго въ Петербургѣ „Института исторіи искусствъ“ является созданіе и у насъ такой же науки. Исторія искусствъ будетъ разсматриваться новымъ учрежденіемъ, какъ самостоятельная отрасль знаній. И уже не исторія искусствъ будетъ служить другимъ наукамъ, но, наоборотъ, другія науки будутъ привлекаться къ ней, какъ вспомогательныя средства...

Дѣятельность новаго Института заключается въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, при Институтѣ открыта специальная библіотека. Библіотека эта будетъ съ теченіемъ времени пополняться различными пособіями и источниками, какіе могутъ понадобиться при изученіи исторіи искусствъ. Пользованіе библіотекой безвозмездно для всѣхъ, кто допущенъ для занятій въ Институтѣ.

Во-вторыхъ, при Институтѣ будутъ читаться лекціи, доклады, сообщенія русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Будутъ также вестись и групповыя занятія по отдѣльнымъ отраслямъ знанія для слушателей Института.

Наконецъ Институтъ явится какъ бы соединительнымъ звеномъ между иностранной и русской наукой. Иностран-ные ученые, пріѣзжающіе въ Россію, будутъ имѣть въ немъ какъ бы базу для своихъ изслѣдованій и для общенія съ русскими учеными.

Такова въ общихъ чертахъ схема новаго учрежденія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Институтъ исторіи искусствъ будетъ встрѣченъ полнѣйшими симпатіями со стороны всѣхъ, кто такъ или иначе заинтересованъ этой областью знаній. Русская наука получитъ для себя въ этомъ Институтѣ цѣнное обогащеніе.

Гос. Дума о государственной оборонѣ.

(Вопросы внутренней жизни).

7 мая с. г. Госуд. Дума приступила къ обсужденію смѣты военнаго вѣдомства. Распоряженіе арміей всецѣло предоставлено безответственному передъ Гос. Думой военному министру, но ассигновки на военныя нужды, оплата расходовъ по мѣрамъ обороны возложены на Гос. Думу, которая пользуется до извѣстной степени правомъ критики мѣропріятій правительства и при обсужденіи смѣты ежегодно выражаетъ очередныя пожеланія о тѣхъ или иныхъ улучшеніяхъ военнаго дѣла. Благодаря этому, обсужденіе смѣты военнаго вѣдомства даетъ возможность всей Россіи судить по отчетамъ думскихъ засѣданій о томъ, въ какомъ положеніи находится въ дѣйствительности дѣло нашей государственной обороны, и въ какой степени гарантирована наша безопасность отъ иностранныхъ вторженій.

Въ этомъ отношеніи послѣдній докладъ предѣдателя думской комиссіи государственной обороны, А. И. Гучкова, представляетъ собою очень мало утѣшительнаго. Внимательное изученіе дѣла привело комиссію и всю Гос. Думу къ весьма безотраднымъ выводамъ. Каждому извѣстно, какую огромную роль играетъ въ военномъ дѣлѣ артиллерійскій огонь. Во главѣ управленія и улучшенія артиллеріи стоитъ специальный артиллерійскій комитетъ. По словамъ докладчика, этотъ комитетъ уже не разъ вы-

зываютъ нареканія въ комиссіи и Гос. Думѣ; нѣсколько архаичская его организація, недостаточная техническая высота отражаются, какъ тяжелый тормозъ, въ дѣлѣ введенія различныхъ усовершенствованій въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Повидимому, и его представители заявляли въ комиссіи, что имѣется въ виду реорганизовать это учрежденіе, ввести возрастной цензъ, приглашать на младшія должности лицъ, прослужившихъ послѣ Академіи на заводѣ или въ офицерскихъ школахъ и зарекомендовавшихъ себя любовью къ дѣлу. „Нашей винтовкѣ уже слишкомъ 20 лѣтъ. Въ значительной части арміи она перенесла уже двѣ кампаніи въ очень тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ, и часть винтовокъ, — значительная, — утратила свою свѣжесть. Правда, вѣдомство приступило къ осмотру ручного оружія и къ замѣнѣ негоднаго, но осмотръ ведется чрезвычайно медленно и до сихъ поръ онъ произведенъ только въ трехъ военныхъ округахъ: варшавскомъ, виленскомъ и казанскомъ, а самая замѣна негодныхъ винтовокъ новыми производится съ излишней экономіей. Комиссія внесла пожеланіе о безотлагательномъ окончаніи осмотра оружія и скорѣйшей замѣнѣ новымъ. Комиссія остановилась затѣмъ на вопросѣ о снабженіи войсковыхъ частей осо-

редь артиллерійскимъ вѣдомствомъ послѣ войны стала задача реорганизаціи и усиленія полевой артиллеріи. Австрія значительно отстала въ численномъ отношеніи, хотя превзошла насъ и нѣмцевъ и, можетъ-быть, весь міръ своей полевой пушкой. Она довела свою артиллерию до 108 орудій на корпусъ, и $\frac{1}{3}$ изъ нихъ является 48-линейными гаубицами. Значительная часть корпусовъ снабжена еще тяжелыми 6-дюймовыми орудіями. Въ Германіи 144 орудія на корпусъ. Между тѣмъ наше снабженіе состоитъ изъ 96 орудій на корпусъ. И если сравнить съ Германіей, то выходитъ, что она сильнѣе насъ артиллеріей въ полтора раза. Мы остались на томъ же числѣ орудій, какъ и раньше, — и въ этомъ мой второй серьезный упрекъ вѣдомству. Затѣмъ у насъ былъ тяжелый опытъ во время послѣдней войны въ отношеніи тяжелой артиллеріи. Встрѣчая даже незначительныя преграды въ видѣ глинобитныхъ фанзъ или земляныхъ закрытій со стороны японцевъ, мы были безсильны разрушить ихъ. И единственно, чѣмъ была вооружена наша артиллерія, это шрапнель. Въ дѣлѣ заготовленія обнаружена чрезвычайная медленность, и только сейчасъ начинаетъ поступать тяжелая полевая артиллерія. Очень рѣзкимъ дефектомъ является отсутствіе у насъ осадной артиллеріи. Выясняется полная архаичность и обветшалость крѣпостной артиллеріи. И вѣдомство только

Институтъ исторіи искусствъ, основанный графомъ В. П. Зубовымъ. Библіотека.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Зубовъ, основатель Института исторіи искусствъ въ С.-Петербургѣ.

быми станками для пристрѣла. Какъ вы знаете, нашъ оптимизмъ въ отношеніи стрѣльбы, вынесенный до войны изъ осмотровыхъ стрѣльбищъ, — на войнѣ не оправдался. По отзыву компетентныхъ лицъ и иностранныхъ агентовъ, стрѣльба была далеко не удовлетворительна. Послѣ войны были заведены стрѣлковые офицерскіе временные курсы при министрѣ Редигерѣ, не нашедшіе себѣ, къ сожалѣнію, сочувствія въ его преемникѣ, въ настоящее время повсемѣстно уничтоженные. Кое-что сдѣлано, но нѣкоторые недостатки даютъ себѣ чувствовать. Такъ, напримѣръ, станки для пристрѣла не введены въ смѣту войсковыхъ частей и заводятся за счетъ тѣхъ нищенскихъ экономическихъ суммъ, которыя удается выкраивать войсковымъ частямъ, отказывая себѣ подчасъ въ самомъ необходимомъ. Русско-японская война и тѣ техническія усовершенствованія, которыя введены въ западно-европейскихъ войскахъ, поставили передъ нами задачу громадной важности. Правда, наша винтовка оправдала себя въ послѣднюю войну, переходъ къ автоматической винтовкѣ вызвалъ бы расходы въ сотни милліоновъ. Но есть другое усовершенствованіе оружія, и всѣ крупныя арміи перешли къ такъ называемой остроконечной пулѣ, имѣющей громадное преимущество въ смыслѣ дальнобойности. Я бы поставилъ въ упрекъ вѣдомству, что оно недостаточно настойчиво требовало отъ объединеннаго правительства кредита на эту потребность. Другая потребность, сознанная до войны, но удовлетворенная въ смѣхотворномъ размѣрѣ, — это снабженіе арміи пулеметами; горькій опытъ первыхъ боевъ въ Манчжуріи указалъ на необходимость этого оружія. Затѣмъ пе-

въ послѣднее время вступило на путь обновленія этого дѣла. Другимъ серьезнымъ дефектомъ, обнаруженнымъ во время послѣдней войны, явилось отсутствіе у насъ гранатъ. Потребность удовлетворена была частью русскими, частью заграничными заводами, и при этомъ произошло очень тяжелое событіе, а именно: заказъ этихъ гранатъ австрійскому заводу Бюлертъ. Вѣроятно, все дѣло будетъ имѣть тотъ исходъ, котораго оно заслуживаетъ, — тяжелый криминальный исходъ. Въмѣсто того, чтобы, обратившись къ западно-европейской техникѣ, которая ушла далеко впереди насъ, взять на западномъ рынкѣ все, что есть лучшаго, наше артиллерійское вѣдомство пошло обычнымъ торнымъ путемъ. Одному изъ специальныхъ профессиональныхъ изобрѣтателей, имѣющихся при артиллерійскомъ комитетѣ, было поручено выработать взрыватель. Ежегодно при разсмотрѣніи смѣты въ комиссіи задавался вопросъ, когда же его наконецъ изобрѣтутъ.

„Мой главный упрекъ, который я дѣлаю вѣдомству, — сказалъ А. И. Гучковъ: — упрекъ, передъ которымъ нѣтъ прощенія и извиненія, — это то, что оно въ теченіе 5—6 лѣтъ не сумѣло снабдить насъ гранатами. (Одобрительные возгласы и аплодисменты въ центрѣ).“

„Предъявляя свои обвиненія къ артиллерійскому управленію, я далеко отъ мысли валить вину на отдѣльныхъ лицъ или на группу лицъ, стоявшихъ тамъ. Я долженъ сказать, что мало встрѣчалъ такихъ въ корнѣ дезорганизованныхъ вѣдомствъ, какъ Главное Артиллерійское Управленіе. Надо знать, какими сложными путями проходятъ малѣйшіе вопросы, особенно новыя, свѣжія идеи, въ

какихъ лабиринтахъ дѣлопроизводство они затериваются, какіе недѣли и мѣсяцы нужны для такого рода операцій, которыя въ любомъ, сколько-нибудь благоустроенномъ, частномъ предпріятіи кончались бы въ теченіе если не часовъ, то дней. Простая передача полученнаго отъ морского вѣдомства заказа на соответствующій заводъ требуетъ, какъ былъ случай, не меньше 6 мѣсяцевъ. (*Движеніе, смѣль*). Въ теченіе пяти лѣтъ мы старались внутреннимъ вліяніемъ, домашними, такъ сказать, средствами подвинуть вѣдомство на наиболѣе быструю работу, и если сейчасъ, оглядываясь на рядъ неудачъ или, вѣрнѣе, полуудачъ, мы обращаемся къ вамъ съ нашимъ крикомъ отчаянія, если мы говоримъ, что безъ вашего рѣзкаго и властнаго вмѣшательства, безъ вашего негодующаго протеста это зло никогда не будетъ устранено, то повѣрьте, что это именно крикъ наболѣвшаго сердца, это актъ извѣстнаго рода отчаянія. Все это заставляетъ насъ, комиссію государственной обороны, закончить наше повѣствованіе по артиллерійскому дѣлу такими меланхолическими словами: Ознакомившись во всей совокупности съ результатами дѣятельности Главнаго Артиллерійскаго Управленія за истекшее пятилѣтіе, комиссія государственной обороны не могла не усмотрѣть, что дѣло обезпеченія нашей арміи новѣйшими боевыми средствами не находится на должной высотѣ, а операціи по изготовленію и снабженію этими средствами частей войскъ происходятъ съ большимъ замедленіемъ. Въ виду сего комиссія государственной обороны предлагаетъ Гос. Думѣ принять слѣдующую формулу: Признать, что состояніе матеріальной части артиллеріи и дѣятельность Главнаго Артиллерійскаго Управленія, особенно въ дѣлѣ снабженія нашей арміи предметами, изготовленіе коихъ возложено на это Управленіе, представляетъ серьезную опасность для государственной обороны. Въ то же время комиссія признаетъ, что реорганизация этого дѣла, борьба съ этимъ закоренѣлымъ бытовымъ зломъ, повидимому, не по силамъ тѣмъ лицамъ, которыя стоятъ во главѣ этого вѣдомства...

— Правильно, правильно, — слышались возгласы изъ центра.

...И черезъ головы представителей этого вѣдомства мы обращаемся къ тѣмъ, на комъ лежитъ дѣйствительно тяжелая отвѣтственность за оборону нашего отечества, за нашу безопасность и удовлетворительное состояніе этой важной отрасли нашей обороны. Мы обращаемся къ объединенному правительству и говоримъ ему: мы признаемъ, что священнымъ долгомъ Совѣта Министровъ и особенно военнаго министра является безотлагательное принятіе мѣръ къ устраненію такихъ неустойствъ. Вы знаете, что я и мои ближайшіе друзья не принадлежимъ къ тѣмъ, которые охотно выносятъ крикливыя заявленія въ общія собранія; насъ упрекали, и, можетъ-быть, не безъ основанія, что мы старались дѣйствовать, какъ я говорю, внутренними, домашними, тихими средствами, и если мы сейчасъ прибѣгаемъ къ этому, то, повѣрьте, что чаша переполнена, и что другого способа, кромѣ крика негодованія и голоса протеста, ничего не остается.

„Я прошу васъ принять смѣту, — заканчиваетъ А. И. Гучковъ: — принять по желанію бюджетной комиссіи, и особенно горячо прошу принять тѣ формулы, которыя выносить передъ вами комиссія обороны. Если вы это примете, я убѣжденъ, вы окажете серьезную услугу дѣлу нашей государственной обороны“. (*Шумные аплодисменты въ центрѣ и справа и на части лѣвыхъ скамей*).

А. И. Гучкова смѣняетъ новый помощникъ военнаго министра. *Помощникъ военнаго министра ген. Вернандеръ*. Высочайшею волею я назначенъ на постъ помощника военнаго министра. (*Расклавивается*). Я рѣшился занять эту кафедру на минуту изъ желанія, во-первыхъ, представиться Гос. Думѣ, какъ человѣкъ новый (*Аплод. справа*), а, во-вторыхъ, объяснить, что въ тѣ нѣсколько часовъ, которые были въ моемъ распоряженіи, я, разумѣется, не могъ ознакомиться со всей той огромной работой,

производившейся въ продолженіе года въ комиссіи государственной обороны.

Марковъ 2-й. Съ душевнымъ прискорбіемъ, какъ членъ комиссіи обороны, я самъ въ сильной степени содѣйствовалъ выработкѣ формулъ и пожеланій и жалѣю, что они получили недостаточно яркое и красочное освѣщеніе. (*Возгласы: „Вѣрно!“*). Картина, которую достаточно явственно нарисовалъ Гучковъ, все-таки ужасна. Вѣдь шесть лѣтъ Россія была на краю бездны, была беззащитна. Я, признаться, и впередъ испытываю ту же боязнь. Намъ же сообщили, что нашъ добрый сосѣдь — Германія — вдвое сильнѣе насъ. Этотъ подсчетъ совершенно вѣренъ. Россію держать въ такомъ состояніи, что ее можетъ захватить тотъ, кому не лѣнь. Мы должны принять формулы перехода и пожеланія, предложенныя Гучковымъ, такъ какъ они представляютъ минимумъ того, что они должны сдѣлать; но я не внесу своей формулы по формальнымъ причинамъ, ибо дѣятельность военнаго министра намъ не подвѣдомственна. (*Аплодисменты справа*).

Гос. Дума голосами всѣхъ партій единогласно принимаетъ пожеланія комиссіи. Ея вотумомъ она доказываетъ, что забота о безопасности отечества для нея выше партійной политики и партійныхъ раздоровъ.

Къ рисункамъ.

«И насупилъ грозно брови атаманъ суровый:
— Непригоже женской лестью да красой
Словно вервиемъ связать свою мнѣ волю,
Да отъ матери отъ Волги отвернуться...
Волга-матушка одна, а красавиць много...»

Такъ отвѣтилъ *Стенька Разинъ* на упреки товарищей, укорявшихъ его въ томъ, что онъ все время тратитъ на веселье и на забавы съ персидской княжной вмѣсто того, чтобы предаваться своему молодецкому дѣлу... И, рѣшивъ сразу покончить съ забавами, онъ схватилъ княжну въ свои желѣзные объятія и бросилъ ее въ Волгу...

Интересная и яркая картина А. Александрова удачно иллюстрируетъ эту легенду о волжскомъ народномъ героѣ...

Зарубинъ въ двухъ своихъ картинахъ: „Тревога“ и „На Нормандскомъ берегу“ изображаетъ природу и жизнь сѣвернаго океанскаго побережья во Франціи — суровую и исполненную своеобразной красоты. Къ берегамъ маленькаго рыбацкаго селенія принесло волнами чей-то трупъ — и все село, точнѣе — всѣ женщины (потому что мужчины въ морѣ, на работѣ) бѣгутъ въ тревогѣ къ страшной находкѣ... Таково содержаніе первой изъ этихъ картинъ. Вторая — типичный пейзажъ, весь обвѣянный морскимъ вѣтромъ и свѣжестью набѣгающихъ на берегъ волнъ.

Пейзажи В. Плотникова („Игра тѣней“) и К. Горбатова („Сумерки“) раскрываютъ предъ нами нашу русскую природу и жизнь. Озаренный солнцемъ веселый бѣлый помѣщичій домъ, по стѣнѣ котораго сплетаются красивыя арабески тѣней, и утопающая въ сѣрыхъ сумеркахъ улица маленькаго мѣстечка — и здѣсь и тамъ предъ нами предстаетъ нѣчто глубоко знакомое близкое и родное — отголоски нашей родины и нашего дѣтства, исполненнаго такого же солнца и такихъ же мягкихъ, ласкающихъ сонныхъ сумерекъ...

„Италія“ И. Бродскаго — нѣчто въ родѣ художественнаго конспекта тѣхъ впечатлѣній и воспоминаній, которыя оставляетъ по себѣ эта страна солнца, плодовъ, красивыхъ женщинъ и красочной, граціозной въ своихъ лохмотьяхъ, нищеты. Солнце золотитъ и спѣлыя груши, и янтарный виноградъ, и смуглыя лица красавиць — и отъ всей этой красочной симфоніи какъ бы поднимается легкій туманъ порожденныхъ солнцемъ испареній... И въ этомъ туманѣ, какъ въ дымкѣ воспоминаній, прекрасная страна предстаетъ предъ нами еще волшебнѣе и прекраснѣе.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ** адреса слѣдуетъ прилагать **28 к.** почтов. марками и печатный адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Избалованный. Веселая повѣсть въ духѣ времени. Ал. Лугового. (Продолженіе). — Разбойничья нора. Разсказъ А. С. Панкратова — механизмомъ человѣка. — Августъ Стриндбергъ. — Памятникъ Н. А. Римскаго-Корсакова. Воспоминанія А. Н. Витмера. — Опредѣленіе энергій, расходуемой о государственной оборонѣ (Вопросы внутренней жизни). — Къ рисункамъ. — Заявленіе. — Объявленіе.
Р И С У Н К И: Стенька Разинъ. — Весенняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ (4 рисунка). — Италія. — Памяти Н. А. Римскаго-Корсакова (2 рисунка). — Опредѣленіе энергій, расходуемой механизмомъ человѣка (2 рисунка). — Августъ Стриндбергъ. — П. В. Засодимскій. — Институтъ исторіи искусствъ, основанный графомъ В. П. Зубовымъ (рисунки и портретъ).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 8.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.